

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

Проблема сохранения экспликативной валентности речи в переводе

основная образовательная программа магистратуры по направлению
подготовки 45.04.02 «Лингвистика»

Исполнитель:

Обучающийся 2 курса
Образовательной программы
«Синхронный перевод (английский язык)»

очной формы обучения
Асамбаева Алина

Научный руководитель:
к.ф.н., доц. Пилатова В.Н.

Рецензент:
к.ф.н., доц. Трошина А.В.

Санкт-Петербург
2018

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Теоретические основы исследования	5
1.1. Лингвистическое определение речи	5
1.1.1. Понятие речь	5
1.1.2. Речь и язык.....	5
1.2. Основные характеристики речи	7
1.2.1. Эксплицитное и имплицитное выражение содержания	7
1.2.2. Функциональный потенциал	14
1.2.3. Оценочность	16
1.2.4. Экспликативная валентность.....	21
1.3. Перевод как аналог исходного текста.....	23
1.3.1. Концепции оценки качества перевода	24
1.3.2. Переводческие стратегии	26
1.3.3. Переводческие практики.....	27
Выводы по главе I	33
Глава II – Практическое исследование степени сохранения экспликативной валентности речи в переводе	36
2.1. Увеличение экспликативной валентности речи в переводе	36
2.2. Уменьшение экспликативной валентности речи в переводе	47
Выводы по главе II	64
Заключение	67
Библиография	69
Список словарей.....	74
Список сокращений	75

Введение

Актуальность настоящей магистерской диссертации определяется прямой связью с проблематикой анализа дискурса, когнитивистики и переводоведения. Сочетание этих направлений позволяет предложить новые критерии оценки перевода.

Объектом изучения являются фрагменты англоязычной речи, в состав которых входят высказывания с высокой экспликативной валентностью и их перевод.

Предметом исследования являются семантические и грамматические конструкции, изменяющие степень экспликативной валентности при переводе.

Цель исследования – доказать, что не всегда при переводе удастся сохранить уровень экспликативной валентности как в оригинальном тексте. Переводчик часто пытается пояснить оригинальный текст, поэтому экспликативная валентность переводного текста обычно ниже. Более того, английская речь характеризуется большей имплицитностью, следовательно, тексты, переведенные с английского языка на русский будут требовать экспликации и чаще будут иметь более низкую экспликативную валентность.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. дать определение понятия «экспликативная валентность»;
2. выявить речевые конструкции с высоким уровнем экспликативной валентности;
3. исследовать основные способы перевода речевых конструкций с высокой экспликативной валентностью;
4. проанализировать случаи, в которых при переводе обычно не удастся сохранить оригинальный уровень экспликативной валентности

Материалом для исследования послужили 270 примеров, полученных методом сплошной выборки из 5 современных произведений англоязычной художественной прозы и их перевода на русский язык общим объемом 4000 страниц.

Теоретическую основу исследования составляют труды отечественных и зарубежных лингвистов, посвященные лингвистике текста и анализу дискурса (И.Р. Гальперин, Т.А. ван Дейк, Е.С. Кубрякова) и исследования в области когнитивистики (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, А.А. Масленникова, В.Н. Пилатова), переводоведения (В.Н. Комиссаров, Л.С. Бархударов, В.И. Шадрин, Т.А. Казакова).

В работе применяется **метод** контекстологического анализа, разработанный Г.В. Колшанским., Н.Н. Амосовой.

Научная новизна исследования состоит в том, что анализ эквивалентности перевода с учетом экспликативной валентности слов впервые становится объектом специального исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что исследуется недостаточно изученное явление, а именно экспликативная валентность в контексте перевода.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут использоваться в лингводидактических целях.

Структура магистерской диссертации: исследование включает введение, две главы, сопровождаемые выводами, заключение, библиографический список и список сокращений.

В первой главе решаются поставленные задачи, уточняются термины и понятия.

Во второй главе представлен непосредственный анализ примеров и выводы по результатам исследования.

В заключении подводятся итоги проведенной работы.

Апробация работы.

В 2017 и 2018 гг. на международной открытой конференции студентов филологов при Санкт-Петербургском государственном университете был представлен доклад «Способы выражения прогнозируемого в английском языке». и «Проблема сохранения экспликативной валентности при переводе».

Глава I. Теоретические основы исследования

1.1. Лингвистическое определение речи

1.1.1. Понятие речь

Речь является неотъемлемой частью жизни общества, средством формирования и выражения мыслей, позволяет людям взаимодействовать между собой, познавать мир вокруг и передавать эти знания. Обратившись к словарю лингвистических терминов О. С. Ахмановой или Д. Э. Розенталя, мы можем получить довольно краткое определение данного понятия, первый пункт словарных статей гласит, что речь является «говорением» (Розенталь, 1985; Ахманова, 1966: 375). Речь – специфическая человеческая деятельность, в лингвистике под речью мы понимаем как сам процесс говорения или письма, так и результат такой деятельности, то есть письменный или звучащий текст. Определение речи в лингвистике непосредственно связано с противопоставлением языка и речи.

1.1.2. Речь и язык

Первым язык и речь разграничил Ф. де Соссюр, однако у него нет четкого противопоставления данных понятий, поэтому в дальнейшем его теория трактовалась с разных сторон. Например, Г.В. Колшанский, А.И. Смирницкий соотносят язык и речь как потенциальное и реальное, для О. Есперсена и А.А. Реформатского язык относится к речи как социальное к индивидуальному (цит. по Леонтьев, 1969: 10-13). Но, несмотря на данное противопоставление, язык и речь связаны теснейшим образом, ведь речь – это «язык в действии» (Ипполитова, Князева, Савова, 2015: 3). Вслед за Б.Т. Ганеевым мы считаем, что язык как номенклатура знаков непротиворечив, но язык, действующий в речи, подвержен противоречиям. Вследствие одновременной жесткости и гибкости языка в нем неизбежно появляются противоположные значения и созначения в одной языковой единице (Ганеев, 2004: 5). Язык как система знаков, пусть даже самая сложная из всех, является строго упорядоченным, за определенным экспонентом закрепляется соответствующее содержание, закрепленное в словарях. Но в речи язык функционирует и оживает, начинает играть новыми красками и открывает

новые грани значений слов, особенно под пером мастеров слова. Как отмечает Н.А. Ипполитова и др., различие языка и речи можно увидеть, сопоставив предложение как единицу языка и высказывание как единицу речи (Ипполитова, Князева, Савова, 2015: 17). Только когда слово попадает в контекст, в речевую ситуацию, мы можем достоверно определить его смысл, только в процессе речи язык выполняет свои функции, такие как коммуникативная, эмоциональная, когнитивная и метаязыковая (там же: 6).

Речь тесно связана с личностью говорящего и его мыслительной деятельностью, она отражает особенности человека, ведь мы все пользуемся одним инструментом, одной знаковой системой, но, создаем уникальные в своем роде речевые высказывания. В речи находит отражение сознание человека, опыт, ценности, «картина мира» – все, что можно определить термином личностная идентичность. Данный термин берет свое начало в философии и психологии. По определению Н.В. Антоновой под личностной идентичностью понимается самоопределение на основе физических, интеллектуальных, нравственных характеристик (Антонова, 1996: 139). Поэтому, по утверждению Ипполитовой и др., значения слов в речи могут не совпадать с теми, что зафиксированы словарями (Ипполитова, Князева, Савова, 2015: 15). Согласно Н.А. Емельяновой, даже идиомы, обладающие фиксированным значением, можно разграничить в языке и речи. Единицы языка отличаются тем, что воспроизводятся в готовом виде, в то время как речевые единицы отличаются производимостью в процессе речи. Носитель языка воспринимает идиому как языковую единицу, когда она используется в фиксированном виде. Когда же идиоматическое выражение вовлечено в языковую игру, оно подвергается трансформации, и носитель языка воспринимает его как единицу речи (Емельянова, 2012: 8-9). Более того, используя стандартный и общий инструмент, то есть язык, человек, обладая творческим потенциалом и достаточными лингвистическими и экстралингвистическими знаниями, может употребить в речи новое, еще не существующее слово, окказионализм, а его значение раскроется в речи и будет понятно получателю, несмотря на то, что последний сталкивается с

этим словом впервые. Однако стоит отметить, что для понимания реципиенту также необходим набор определенных компетенций и знаний, ведь личностная идентичность определяет не только процесс порождения речи, но и ее восприятие и понимание.

Таким образом, именно в речи мы можем отследить всю глубину значений слова.

1.2. Основные характеристики речи

1.2.1. Эксплицитное и имплицитное выражение содержания

Лингвисты, занимающиеся исследованиями дискурса, сходятся во мнении, что значение высказывания не ограничивается совокупностью значения языковых единиц. По мнению Е.С. Кубряковой, текст связан с мыслительной деятельностью, поэтому, кроме передачи информации, он к тому же направляет ход мыслительного процесса. А значит, в нем содержатся два уровня информации: эксплицитно выраженная и та, которая должна или может быть выявлена в процессе мыслительной деятельности (Кубрякова, 2001: 77). Как утверждает К.А. Долинин, любая речь всегда значит больше, чем в ней непосредственно сказано; суммарная информация, которую сообщение несет адресату или читателю, не ограничивается лишь совокупностью значений тех языковых единиц, из которых это сообщение составлено (Долинин, 2010: 4). При этом наблюдается явная асимметрия эксплицитной и имплицитной составляющей высказывания. Любое высказывание можно сравнить с айсбергом: эксплицитная сторона высказывания, подобно верхушке айсберга, всегда меньше, чем имплицитная сторона высказывания. И.А. Стернин утверждает, что имплицитная составляющая семантики языкового выражения существенно больше, чем эксплицитная (Стернин, 2011: 10).

Б.Т. Ганеев считает, что коммуникативно законченное высказывание образуется в результате объединения его эксплицитного и имплицитного компонентов (Ганеев, 2004: 6). Однако не все высказывания одинаково требуют экспликации, не все смыслы, извлекаемые из высказывания

посредством мыслительной деятельности, одинаково важны в коммуникации. Например, самое обычное предложение «Я получил пятерку» подразумевает, что говорящий учится в школе или университете, что он выполнил какое-либо задание и выполнил его качественно. Подразумеваемая в данном предложении информация, скорее всего, уже известна адресату в качестве фоновых знаний, однако в ряде других случаев информация выражается имплицитно с такой установкой, что реципиент извлечет из высказывания заложенные в нем скрытые смыслы.

Вслед за К.А. Долининым мы будем называть эксплицитно выраженным содержанием текста то содержание, которое непосредственно выражено совокупностью языковых знаков, из которых это высказывание составлено. Иначе говоря, эксплицитное содержание — это то, что сказано «открытым текстом». В свою очередь, та часть информации, которая прямо не выражена в языковых знаках высказывания, но извлекается из него в результате мыслительной деятельности, считается имплицитным содержанием или подтекстом (Долинин, 2010: 6-8). В отличие от эксплицитного выражения, имплицитное выражение характеризуется невероятным разнообразием. Ведь прямой путь всегда один, в то время как обходных путей может быть огромное множество. Для описания скрытых смыслов и значений существует широкий диапазон терминов — нулевые знаки, скрытые категории, пресуппозиции, импликации, импликатуры, энтимемы, намеки, подтекст (Масленникова, 1999: 3). Вслед за А.А. Масленниковой мы понимаем под скрытым смыслом всякий смысл вербально не выраженный в тексте сообщения. Этот смысл воспринимается адресатом как подразумеваемый и интерпретируется им на основании языковой компетенции, знаний о мире и содержащихся в контексте показателей (там же: 3). Неопределенность текста обеспечивает свободу восприятия. Чем больше импликаций в тексте, тем теснее взаимодействие с читателем, тем активнее он вовлекается в процесс извлечения и создания смыслов, и тем больше «интенции текста оказываются под контролем читателя» (там же: 33).

Мы считаем классификацию скрытых смыслов, предложенную А.А. Масленниковой в своей монографии, в основе которой лежит критерий интенциональности, наиболее полной и подробной. А.А. Масленникова выделяет три подсистемы скрытых смыслов:

- 1) неинтенциональные или языковые скрытые смыслы;
- 2) конвенциональные скрытые смыслы, обусловленные коллективной интенцией;
- 3) интенциональные скрытые смыслы, обусловленные стремлением индивида (там же: 6).

В данной работе мы не будем рассматривать неинтенциональные скрытые смыслы, так как они действуют на уровне языка, объектом же нашего исследования является речь. Что касается конвенциональных скрытых смыслов, к ним относятся стереотипы, выражение политкорректности, эвфемизмы и недоговоренности, намекающие на непристойные стороны жизни. Используя в речи политически корректные выражения, мы тем самым подразумеваем нашу приверженность идеям равноправия полов, рас и так далее. А.А. Масленникова утверждает, что политическая корректность изменила набор культурных пресуппозиций таких понятий, как *женщина*, *мужчина*, *старость* (Масленникова, 1999: 63). Ассоциировать женщину со слабостью, а пожилого человека с беспомощностью теперь считается политически некорректным, однако эти ассоциации не могут просто так исчезнуть, ведь они существуют на протяжении веков. Это стереотипы, которые являются неотъемлемой частью нашего мышления. Ведь в попытке упорядочить мир вокруг нас мы создаем системы, распределяем все по группам и категориям. Т.А. ван Дейк утверждает, что процесс формирования стереотипов связан с чрезмерным обобщением и упрощением (van Dijk, 1984: 15). К тому же стереотипы и предубеждения формируют ожидания относительно поведения определенных групп людей (там же: 20). Значит, используя стереотип в отношении кого-либо, мы имплицитно выражаем ожидаемую модель поведения данного человека. Т.Ф. Семашко считает, что стереотипы сводят

разнообразие мира к определенным категориям, что упрощает понимание, восприятие и оценку (Семашко, 2014: 268-269). Как будет показано далее, оценочные предикаты обладают высоким уровнем экспликативной валентности, а значит то же самое можно сказать о стереотипах, выражающих оценку. К способам выражения стереотипов на уровне лексики Т.Ф. Семашко относит устоявшиеся словесные поэтические образы; метафоризация; тавтологические эпитеты; оценочная лексика; этнономинии; слова, в значении которых имеется оценка свойств типичного представителя этноса и т.д. На уровне синтаксической структуры можно выделить повтор, противопоставление, гиперболу, оксюморон; атрибутивные словосочетания; сравнительные обороты; фразеологические единицы; пословицы, поговорки, в состав которых входят этнонимы, которые указывают на свойства представителей соответствующего этноса и др. (Семашко, 2014: 272).

И.Р. Гальперин определяет эвфемизмы как слова и словосочетания, появляющиеся в языке для обозначения понятий, которые уже имеют названия, но считаются по какой-либо причине неприятными, грубыми, неприличными или низкими (Гальперин, 1958: 164). В большинстве случаев скрытый смысл, стоящий за эвфемизмами не нуждается в экспликации, во-первых, в связи с природой эвфемизмов, во-вторых, в связи с тем, что они закреплены в культурной среде общества, а значит должны быть известны всем представителям данной культуры. Однако при переносе эвфемизма в другую культуру, необходимо учитывать различия между двумя культурами. И.Р. Гальперин отмечает, речевые эвфемизмы, созданные «на данный случай», которые являются контекстуальными синонимами уже существующих в языке слов. Обычно это эвфемистические перифразы, которые раскрываются только в широком контексте (Гальперин, 1958: 165).

Наиболее обширную категорию представляют собой интенциональные скрытые смыслы, к которым относятся различные изобразительно-выразительные средства языка, оценка, намеки и незаконченные высказывания (Масленникова, 1999). Однако не все изобразительно-

выразительные средства языка обладают одинаковой глубиной импликации, так как в способе их образования лежат разные процессы.

И.Р. Гальперин определяет метафору, как отождествление двух понятий, основанное на сходстве их отдельных признаков (Гальперин, 1958: 125). В.Н. Телия называет метафоризацию одним из способов смыслопроизводства а также указывает на экспрессивно-оценочную функцию метафоры (Телия, 1988: 26-52). Все это способствует высокому уровню импликации, который создает метафора, особенно это касается речевых авторских и развернутых метафор, ведь они, в отличие от стертых метафор, не зафиксированы в языке, а значит, обладают более высоким уровнем экспликативной валентности.

По определению И.В. Арнольд метонимия — это троп, основанный на ассоциации по смежности. Эта смежность может быть между предметом и материалом, из которого он сделан; между процессом и его результатом; т.д (Арнольд, 2002: 45). И.Р. Гальперин подчеркивает, как и в случае с метафорой, что «речевая метонимия, в отличие от языковой, всегда оригинальна», а значит, обладает большим валентностным потенциалом (Гальперин, 1958: 131). Разновидностью метонимии И.В. Арнольд считает синекдоху, которая состоит в замене одного названия другим по признаку партитивного количественного отношения между ними. Например, название целого заменяется названием его части, множественное число — единственным и наоборот (Арнольд, 2002: 45). Еще одним видом метонимии И.В. Арнольд называет антономасию, то есть использование имен собственных в качестве нарицательных (Арнольд, 2002: 45). В данном случае мы можем говорить об аллюзии, ведь имя собственное отсылает читателя за пределы одного текста, а значит, экспликативная валентность повышается. К этой же категории можно отнести аллегорию и перифраз, которые по утверждению И.В. Арнольд строятся как развернутая метафора или метонимия (Арнольд, 2002: 43).

И.В. Арнольд определяет иронию как употребление слова в значении, диаметрально противоположном основному, и с противоположными коннотациями (Арнольд, 2002: 13). Ирония тесно связана с оценочностью,

например, А.Р. Минемуллина отмечает, что ирония занимает особое место среди средств имплицитного выражения оценки (Минемуллина, 2013: 17).

Благодаря взаимодействию между лексическими значениями в метафоре, иронии и метонимии слово в предложении может получить контекстуальное значение, расходящееся с основным предметно-логическим значением (Гальперин, 1958: 112).

И.В. Арнольд определяет олицетворение как троп, при котором предметы, животные или явления природы наделяются человеческими чувствами, мыслями, речью, в связи с этим изменяется, в том числе, и лексическая валентность (Арнольд, 2002: 70). Когда олицетворяется животное, имеет место оценочность, что также увеличивает потенциал на смысловое развертывание.

Гипербола и литота являются противоположными по природе тропами. У И.В. Арнольд мы находим следующие определения: гиперболой называется явное и намеренное преувеличение, повышающее экспрессивность и эмфатичность высказывания. Нарочитое преуменьшение является литотой и выражается через отрицание противоположного (Арнольд, 2002: 44). Однако И.Р. Гальперин утверждает, что в гиперболе слова сохраняют свое предметно-логическое значение, и лишь приобретают эмоциональную окраску (Гальперин, 1958: 152). Это значит, что в случае с гиперболой уровень импликации является минимальным. Литота же, выраженная двойным отрицанием, обладает более высокой экспликативной валентностью, так как отрицательные структуры менее информативны.

Носителями скрытых смыслов также является импликация, подтекст, аллюзия, цитация, которые, по утверждению И.В. Арнольд, довольно сложно строго разграничить, так как они сопутствуют друг другу. Импликация отличается от эллипса тем, что имеет более широкие границы контекста и восстанавливается вариативно, эллипс же дает только компрессию и строится по грамматическим правилам. А значит, эллипс не обладает высоким уровнем экспликативной валентности. Особым видом текстовой импликации являются аллюзия и цитация, так как они подключают

к передаче смысла другие семиотические системы, например, мифы, историю, живопись (Арнольд, 2002: 148). Это значит, что данные виды текстовой импликации обладают высокой экспликативной валентностью.

Говоря об имплицитном выражении содержания, следует затронуть такое понятие, как косвенные речевые акты. А.Г. Пospelова утверждает, что косвенные высказывания характеризуются расхождением формы и коммуникативной направленности (Пospelова 1988: 141). Известно, например, что вопросительное по форме предложение может быть утверждением, упреком, побуждением, а повествовательное — просьбой или приказом. Дж. Р. Серль считает, что к простейшим случаям выражения значения в языке относятся такие, при которых говорящий, произнося некоторое предложение, имеет в виду ровно и буквально то, что он говорит. Известно, однако, что подобная семантическая простота присуща далеко не всем высказываниям: при намеках, выпадах, иронии, метафоре значение высказывания данного говорящего и значение соответствующего предложения во многих отношениях расходятся (Серль, 1986: 195).

Мы так же хотим отметить идиомы, которые Н.А. Емельянова относит к маркерам скрытого смысла в высказывании. Это можно объяснить наличием имплицитного смысла, традиционно закрепленного за идиомой. Опираясь на классификацию А.А. Масленниковой, мы можем отнести идиомы к разряду конвенциональных, ведь их интерпретация основывается на культурно обусловленных словесных моделях и не является субъективной (Емельянова, 2011: 170). Однако, как мы уже обсуждали, вовлеченное в языковую игру идиоматическое выражение подвергается трансформации, а значит, в речи у идиомы могут образоваться новые скрытые смыслы. Н.А. Емельянова утверждает, что идиома сопоставима по функции с цитатой, т.к. идиома всегда является своего рода прецедентным высказыванием, которое отсылает нас к определенному стереотипному высказыванию, создавая, таким образом, дополнительные смыслы и аллюзии (Емельянова, 2012: 14).

Мы видим, что набор маркеров скрытых смыслов чрезвычайно разнообразен, а имплицитная сторона высказывания перевешивает

эксплицитную. К этому стоит добавить, что как отечественные, так и зарубежные лингвисты считают английскую речь более имплицитной по своей природе, чем русскую. В.Н. Комиссаров утверждает, что английские высказывания часто оказываются более имплицитными, чем русские, и то, что в оригинале подразумевается, должно быть эксплицитно выражено при переводе (Комиссаров, 2002: 126). Б. Комри считает русскую речь семантически более эксплицитной, например, больше слов используется в конкретном значении. В английском же речь характеризуется большей многозначностью и неопределенностью (цит. по Grabowski, 2011: 227).

1.2.2. Функциональный потенциал

С.В. Шустова определяет функциональный потенциал как комплекс возможных потенций языковой единицы, которые программируют ее поведение в речи (Шустова, 2013: 161). По словам Е.С. Кубряковой, функционализм можно понимать как особый подход к науке, где центральное место занимает исследование функций и назначения изучаемого объекта, особенностей его природы в связи с выполняемыми им задачами, его приспособленность к их выполнению. В рамках функциональной лингвистики язык представляет собой инструмент, механизм, средство, при помощи которого человек осуществляет определенные цели и реализует намерения в сфере познания и описания действительности, а также в актах общения (Кубрякова, 2009: 55-56). Каждая языковая единица обладает определенной функцией или назначением. Функции языковой единицы, по словам А.В. Бондарко, выступают, с одной стороны, как потенциальные назначения, программирующие типы поведения или функционирования данной единицы, с другой – как процессы и результаты реализации этих потенций в речи (Бондарко, 2004: 84-85). По мнению С.В. Шустовой в поле исследования входят не только семантические, но и стилистические, эмоциональные, структурные и экспрессивные функции. В связи с этим можно говорить о семантическом, стилистическом, эмоциональном, структурном и экспрессивном потенциалах, которые в своей совокупности

представляют функциональный потенциал. Более того автор считает, что сфера функционального потенциала языковой единицы может быть расширена за счет включения валентностного потенциала, который соотносится с понятиями семантического и синтаксического потенциалов. Под семантическим потенциалом вслед за С.В. Шустовой мы понимаем совокупность семантических потенций языковой единицы, которые актуализируются в различных речевых ситуациях и, таким образом, расширяют семантический объем языковой единицы. Синтаксический потенциал рассматривается как совокупность синтаксических потенций языковой единицы (Шустова, 2013: 162). Понятие экспликативной валентности будет более подробно рассмотрено в нашей работе далее, однако стоит упомянуть, что С.Д. Кацнельсон определяет валентность, как «свойство определенных разрядов слов присоединять к себе другие слова». Валентность есть свойство значения, в котором существуют «пустые» места, нуждающиеся в восполнении. (Кацнельсон, 1987: 21). Для данной работы наибольший интерес представляет семантический потенциал, который относится к валентностному потенциалу, ведь чем шире набор семантических потенций определенной языковой единицы, тем более универсальным «инструментом» является такая единица в речи, тем больше ее значение зависит от контекста и речевой ситуации. Как подчеркивает В.Б. Касевич, языковой системе присуща гибкость, обусловленная набором функций языковых единиц, и определенность они получают только в среде или контексте (Касевич, 1988). В связи с этим стоит отметить термин «контекстная семантика», введенный Г.В. Колшанским. По утверждению автора, любое слово и высказывание в принципе, а не только широкозначные слова, могут быть адекватно восприняты лишь в пределах контекста, который обеспечит их однозначную трактовку (Колшанский, 1980: 5). В отечественной лингвистике контекстологический анализ связан в первую очередь с именем Н.Н. Амосовой. По определению Н.Н. Амосовой, контекст представляет собой «соединение указательного минимума с семантически

реализуемым словом», а внеязыковые факторы, оказывающие влияние на реализацию значения, называются ситуацией (цит. по Арнольд, 1991: 46-47).

По мнению Б.Т. Ганеева, гибкость языка, которая проявляется во множестве значений каждой языковой единицы, позволяет изучить ее функциональный потенциал. Расширение лексического состава происходит, в том числе, благодаря тому, что в речи каждая лексическая единица реализует неограниченное количество смыслов в зависимости от контекста (Ганеев, 2004: 26). В свою очередь А.А. Братина отмечает, что семантический потенциал слова проявляется главным образом через возможности его синонимической замены в высказывании (Братина 1980: 61). Чем больше слов может заменить определенная языковая единица, тем шире ее семантический потенциал, тем больше объем значения слова. В связи с этим, мы считаем необходимым отметить широкозначные слова, ведь они обладают именно такими качествами. В своем исследовании это утверждает О.Н. Судакова, отмечая особую семантическую природу таких слов. По ее мнению, широкозначным словам отводится особая роль в структуре высказывания, которую можно сопоставить с ролью местоимения, ведь главной функцией широкозначных слов является функция замещения, а наивысшим заместительным потенциалом обладает слово *thing* (цит. по: Плоткин, 1989: 13). Существует распространенная точка зрения, что у таких слов есть главное значение, так называемое ядро семантики, которое не зависит от контекста, а все остальные значения являются производными, по отношению к этому ядру и определяются контекстом (Шабает, 2014: 194). Одним из первых попытку выделить основное значение в слове предпринял Р. Якобсон на фоне разграничения языка и речи. По его мнению, основное значение действует в системе языка, в то время как «частные» значения относятся к сфере речи и проявляются именно в ней (цит. по Шабает, 2014: 194).

1.2.3. Оценочность

По утверждению К. Руут, оценка и оценочность окружает нас всюду. Оценка – это и то, что преподаватель ставит красной ручкой за сочинение, и

рецензии на фильмы, и ответ на вопрос «Как дела?» (Ruut, 2014: 8). В лингвистике нет общепризнанного определения термина «оценка», что можно объяснить разными подходами к изучению данной категории, а также проблемой разграничения оценки и экспрессивности, эмоциональности и коннотативности, которые считаются смежными явлениями (Гончарова, 2016: 26). По определению В.И. Банару, оценка представляет собой аксиологический термин, который отражает отношения между субъектом и объектом оценки на основании соответствия качеств последнего представлениям о положительной, нулевой и отрицательной ценности (Банару 1987: 14). Б. Агравал, Н. Миттал и Л. Кёртвельеси рассматривают оценочную категоризацию, как особый вид когнитивной деятельности, который, не относя предмет к какой-либо категории, приписывает ему положительные или отрицательные характеристики (Agarwal & Mittal, 2016; Körtvélyessy, 2015). По мнению Г.В. Колшанского оценочность передает широкий спектр отношений субъекта к объекту (Колшанский, 2005, с. 121).

Э.К. Валиахметова и др. отмечают, что как в русском, так и в английском языке лексико-семантическая группа, выражающая оценку, характеризуется широким разнообразием (Валиахметова, Фаткуллина, Казанцева, 2017: 70). Е.В. Полякова относит к маркерам выражения оценки обще- и частнооценочную лексику, междометные восклицания, устойчивые выражения, пословицы и поговорки, которые вызывают у носителей языка определенные оценочные ассоциации (Полякова, 2001). Е.М. Вольф подчеркивает, что особое положение среди способов выражения оценки занимают качественные прилагательные положительной и отрицательной семантики общей оценки, их экспрессивно-стилистические синонимы, а также производные от них наречия (Вольф, 1985: 8).

В своей монографии Е.М. Вольф утверждает, что объект может быть оценен по самым разным признакам, однако, основные оценочные значения связаны с признаком «хорошо/плохо» (там же: 12). Эти оценочные предикаты являются общеоценочными. В свою очередь, Н.Д. Арутюнова

предлагает дальнейшую категоризацию частнооценочной лексики: 1) сенсорные оценки, которые связаны с ощущениями, а также физическим и психическим опытом; 2) сублимированные оценки, которые включают этические и эстетические оценки; 3) рационалистические оценки, опирающиеся на практическую деятельность, интересы и повседневный опыт человека (Арутюнова, 1988: 75-77).

Н. Д. Арутюнова утверждает, что оценка является собственно человеческой категорией, которая обусловлена природой, бытием и чувствованием человека (Арутюнова, 1982: 5). Именно это, по мнению Н.Д. Арутюновой обуславливает такие свойства оценочных предикатов, как субъективная варьируемость, иллюкутивность, зависимость от конкретных обстоятельств, в частности ситуация выбора (Арутюнова, 1988: 58). Как отмечает С. Ханстон, все исследователи подчеркивают субъективную природу оценки (Hunston, 2011). При этом, по мнению К.В. Клименко, степень субъективности может варьироваться в зависимости от типа оценочного предиката: так, субъективность рациональной оценки ниже, чем эмоциональной (Клименко, 2015: 221).

Субъективность оценочных слов приводит к неустойчивости их дескриптивного значения, что отмечают в своих работах Н.Д. Арутюнова и Е.М. Вольф, указывая на отсутствие дескриптивных или описательных признаков в семантике оценочного высказывания (Арутюнова, 1988: 17,42,79; Вольф 1985: 53). Дж. Серль и П. Ноуэлл-Смит считают, что оценочные слова выражают эмоции и отношение человека к действительности, но не описывают ее (Nowell-Smith, 1954: 38; Searle 1970: 183). Тот факт, что мы можем лишь определить мотив оценки, но не верифицировать ее, также отличает ее от дескриптивных предикатов (Арутюнова, 1988: 58). Стоит уточнить, что говорящий может наделять оценку определенным количеством дескриптивного значения, которое, однако, будет второстепенным и производным по отношению к оценочному. При этом два этих значения находятся в обратно пропорциональной

зависимости, то есть «чем больше доза оценки, тем меньше сопутствующих ему дескриптивных импликаций, и наоборот» (там же: 39).

Понимание значения недескриптивных предикатов требует не семантической компетенции, то есть нам не нужно открывать словарь, чтобы понять значение слова «хороший», для этого требуется прагматическая компетенция, а в этом случае следует говорить не о понимании, а об интерпретации значения, которая осуществляется через частную оценку или дескрипцию (там же: 94). Данное утверждение подводит нас к прагматике, ведь оценка, а особенно общеоценочные предикаты, приобретают значение только в речи, вне речевой ситуации они характеризуются «семантической опустошенностью». Как было упомянуто ранее, любое слово в речи может реализовать то или иное значение под влиянием окружения, однако дескриптивные слова, в отличие от оценочных, обладают и контекстно независимым значением. Интерпретация оценки изменяется в зависимости от субъекта и объекта оценки и других факторов, в том числе непостоянных, как например время и место, когда производится оценка (там же: 5-7). Н.Д. Арутюнова говорит об иллокутивной силе оценочных высказываний, которая обратно пропорциональна их информативности (там же: 46, 84). Н.Д. Арутюнова, Дж. Серль и П. Ноуэлл-Смит отмечают коммуникативное разнообразие оценочных высказываний, которые могут быть использованы для выражения эмоций, отношения, выбора, похвалы, совета, приказа и т.д. (Арутюнова, 1988: 50; Nowell-Smith, 1957: 87; Searle, 1976: 173).

Как отмечают Н.Д. Арутюнова и Е.М. Вольф, все оценочные утверждения имплицитно отсылают нас к некоему стандарту, идеалу, норме, стереотипу и шкале оценок, которые известны большинству представителей данного социума (Арутюнова, 1988: 52; Вольф, 1985: 16). Однако нормы и стандарты меняются при изменении временного и пространственного положения, а вместе с ними и интерпретация оценочных выражений, поэтому для правильной интерпретации следует эксплицировать норму, в случае использования изменившейся либо индивидуальной нормы (Арутюнова, 1988: 53).

Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Д. Перри отмечают еще одну особенную черту оценочности, а именно тесную связь со сравнением, обусловленную ее семантической структурой. Ведь оценить какой-либо объект, можно лишь сравнив его с рядом других объектов данного класса (Арутюнова, 1988: 7; Вольф, 1985: 16; Perry, 1964: 189). В связи с этим выделяется два вида оценок, а именно абсолютная и сравнительная, первая оперирует понятиями «хорошо/плохо», а вторая – «хуже/лучше». В сравнительной оценке сравнение явно выражено, а в абсолютной оценке оно выражается имплицитно, и основывается на стереотипной шкале, что осложняет его семантическую структуру (Вольф, 1985: 16-16).

Учитывая вышеизложенную информацию, мы можем сделать вывод, что субъективность, недескриптивность, высокая иллокутивная сила, имплицитная отсылка к некоему стандарту или идеалу, которые к тому же непостоянны, обуславливают высокую информативную недостаточность и экспликативную валентность оценочных высказываний в целом, и общеоценочных высказываний в частности. К тому же, по утверждению О.И. Осташовой, общая оценка дается на основании случайной характеристики объекта, что предполагает большую валентность общеоценочных предикатов (Осташова, 2016). Как отмечает П. Гич, существует асимметрия в основной общеоценочной паре «хорошо/плохо», так как положительная оценка может означать соответствие норме, либо ее превышение, отрицательная же оценка означает только несоответствие норме (Geech, 1956: 33). Но несмотря на этот факт отрицательные оценочные предикаты, по мнению Н.Д. Арутюновой, требуют экспликации в большей степени, чем положительные (Арутюнова, 1988: 95). Связано это с тем, что ненормативные ситуации более разнообразны, а значит, большей вариативностью отличаются и способы выражения отрицательной оценки (Вольф, 1985: 20). Подтверждения этому мы можем найти не только в научной, но и художественной литературе. Благодаря Л.Н. Толстому мы знаем, что «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» (Толстой). А в следующей цитате мы видим

противопоставление красоты и уродства: «...beauty, she had discovered, occupied a narrow band. Ugliness, on the other hand, had infinite variation» (McEwan, 2007: 7).

1.2.4. Экспликативная валентность

Многим термин «валентность» может быть знаком в связи с химией, в лингвистику он был заимствован именно из этой науки. В лингвистике С.Д. Кацнельсон определяет валентность, как свойство определенных разрядов слов присоединять к себе другие слова. Данный термин распространился в языкознании с конца 40-х годов. (Кацнельсон, 1987: 31).

Валентность можно определить, как синтаксическую потенцию, языковой единицы, которая заключается в ее лексическом значении, то есть способность присоединить к себе другое слово. Но С.Д. Кацнельсон понимает под валентностью не только способность слова образовывать синтаксические связи, а также указание на необходимость восполнения, которое подразумевается значением слова или имплицитно содержится в нем. С этой точки зрения, валентностью обладают не все однозначные слова, а только те из них, которые сами по себе создают ощущение недосказанности и неполноты высказывания и требуют восполнения (Кацнельсон, 1987: 20-21).

Вслед за В.Н. Пилатовой, под экспликативной валентностью мы понимаем потребность дискурса в пояснительной дескрипции, способность к смысловому развертыванию (Пилатова, 2002: 19). То есть, чем высказывание более понятно и полно, тем ниже его экспликативная валентность. Е.С. Петрова и В.Н. Пилатова утверждают, что экспликативная валентность дискурса зависит от характера концептов, выстраивающих его нарративную линию. Концепты могут нести верифицированную и неверифицированную информацию. Можно считать, что полное, объективное знание, которое либо доказано, либо аксиоматично, представляет собой верифицированный концепт. Неверифицированные концепты репрезентируют субъективное представление и неполное знание. Чем больше верифицированных

концептов, чем выше их концентрация, тем ниже экспликативная валентность дискурса. И наоборот, чем больше неверифицированных компонентов, тем выше экспликативная валентность дискурса (Е.С. Петрова, В.Н. Пилатова, 2004: 251-252). В.Н. Пилатова относит к числу высказываний с высокой экспликативной валентностью малоинформативные высказывания, которые не содержат фактообразующей информации (Пилатова, 2006: 220).

Совершенно очевидно, что нет высказывания, которое бы требовало пояснения и развертывания больше, чем вопрос. Вопрос, если он конечно не риторический, обладает невероятно высокой экспликативной валентностью, и таким образом стимулирует ментальную активность. Е.С. Петрова и В.Н. Пилатова считают, что повторяющиеся вопросы или скопление вопросов активизируют ментальные процессы читателя. Потребность экспликации стимулирует внимание и прогнозирование (Петрова, Пилатова, 2004: 253).

Незаконченные высказывания активизируют ментальные процессы реципиента. Смысловое развертывание наталкивается на препятствия в виде незаконченных высказываний, требующих экспликации (там же: 253).

Аккумуляция высказываний, выражающих эмоции и категоричность, которая нередко используется как компенсация отсутствия аргументации, также повышают экспликативную валентность дискурса (там же: 254).

Отрицательные высказывания являются малоинформативными, а значит высказывания, которые выражают отрицательную оценку, требуют экспликации с большей настоятельностью. Как уже было отмечено выше, отрицательные оценки обладают более сильным валентностным потенциалом, чем положительные, так как ненормативные ситуации более вариативны и разнообразны (Арутюнова, 1988: 96).

Иносказание, являясь непрямым способом передачи информации, обладает высокой экспликативной валентностью (Петрова, Пилатова, 2004: 256).

Иногда автор использует маловероятный, иногда даже нереалистический поворот в событийной линии нарратива, чтобы спровоцировать поиск ответа

(там же: 257). Так же как и иносказание, подобный прием может быть использован для привлечения внимания читателя.

По утверждению И.Р. Гальперина, высокой экспликативной валентностью может обладать введение, так как оно обычно предвосхищает содержание произведения, направляет мысль читателя на предстоящие события, при этом, однако, введение не раскрывает ни сюжета, ни основной информации. Введение обычно представляет собой концентрацию неverified высказываний, благодаря чему оно активизирует когниции и способствует развитию проспекции (Гальперин, 2006: 59).

Мы также считаем, что высокой экспликативной валентностью обладают окказионализмы или авторские новообразования. И.Г. Игнатьева утверждает, что в случае авторских новообразований наблюдается крайне высокий уровень информационной компрессии. Знания, имеющиеся в сознании создателя текста «сжимаются» с тем, чтобы в дальнейшем при обращении к ним предполагаемый получатель, в свою очередь, мог активизировать имеющиеся в его когнитивной системе знания (Игнатьева, 2013: 131). А значит подобные концентрированные «сгустки» информации имеют высокий потенциал на семантическое развертывание. Можно сказать, что любая импликация в тексте увеличивает его экспликативную валентность.

По мнению В.Н. Пилатовой, единицы с высокой экспликативной валентностью обладают способностью порождать и выстраивать дискурс, ведь потребность экспликации провоцирует размышление до тех пор, пока в сознании реципиента не появляется однозначная трактовка (Пилатова, 2006: 221).

1.3. Перевод как аналог исходного текста

Когда представители русскоязычной культуры читают У. Шекспира или М. Твена на русском языке, они не всегда отдают себе отчет, что на самом деле перед ними не «настоящий» Шекспир и Твен, особенно, если человек никак не связан со сферой перевода. Учитывая всевозможные

трансформации, обусловленные несовпадением как грамматических строев языка, так и языковых картин мира, которым подвергся оригинальный текст в процессе перевода, нет оснований говорить о тождестве. Именно поэтому в отношении художественного перевода, по мнению Я.В. Соколовского, наиболее точным и подходящим является термин «аналог». (Соколовский, 2013: 405). С функциональной точки зрения перевод трактуется как процесс производства нового текста на основе исходного, при этом переводной текст является самостоятельным по отношению к оригиналу (Шадрин, 2017: 100-101). Самостоятельный статус перевода не позволяет ставить знак равенства между ним и оригинальным произведением. В связи с отсутствием тождества, В.Н. Комиссаров предлагает определить отношение между содержанием перевода и оригинала термином «эквивалентность», который показывает степень сходства и близости текстов на определенном уровне (Комиссаров, 2002: 117).

В.Н. Комиссаров выделяет пять уровней эквивалентности:

- 1) прагматический;
- 2) ситуационный;
- 3) лексический;
- 4) грамматический;
- 5) структурный (Комиссаров, 1980: 51).

Понятие эквивалентность в переводоведении приобретает характер оценки, поэтому «хорошим» или «правильным» может считаться только эквивалентный перевод (Комиссаров, 2002: 117). А.Д. Швейцер отмечает, что теоретики и практики перевода выдвигали именно этот критерий как основной при сравнении оригинала и перевода (Швейцер, 1988: 76).

1.3.1. Концепции оценки качества перевода

Вопрос об определении критериев оценки перевода неоднократно поднимался теоретиками и критиками перевода. Как отмечает М.Я. Цвиллинг, пытаясь оценить качество перевода, мы вместе с тем затрагиваем и оценку качества и эффективности собственно человеческой деятельности

(Цвиллинг, 2009: 56). Исследователи и сейчас пытаются определить критерии оценки качества перевода с практических и теоретических позиций (Шадрин, 2017: 97). По мнению В.И. Шадрина, для определения качества перевода не достаточно иметь список критериев, предъявляемых к переводу, ведь нет четкого определения непосредственно понятия качества по отношению к переводу (Шадрин, 2017: 98)

Существует два подхода к оценке качества перевода:

- 1) эквивалентностный;
- 2) функциональный.

С точки зрения эквивалентностного подхода, качественный перевод характеризуется оптимальной эквивалентностью, однако данную модель сложно применить на практике в связи с неопределенностью понятия «оптимальная эквивалентность». В рамках функционального подхода влияние на процесс перевода оказывают скорее факторы, относящиеся к культуре переводного языка, нежели особенности исходного текста. Но практическое применение и этой модели осложнено расплывчатостью теории сценариев и фреймов и концепта «функция», которыми она оперирует (Шадрин, 2017: 98-100). В.И. Шадрин отмечает, что объединение практического и теоретического подходов может решить проблему оценки качества переводов (Шадрин, 2017: 101).

Все, кто имеет дело с оценкой перевода, сходятся во мнении, что перевод должен отвечать определенным требованиям, которые в совокупности называются нормами перевода. В своей работе В.И. Шадрин описывает следующие переводческие нормы:

- 1) прагматическая норма подразумевает сохранение прагматической ценности перевода, она является основной и подчиняет остальные аспекты;
- 2) жанрово-стилистическая норма предполагает создание такого же типа текста, что и оригинал;
- 3) норма переводческой речи, то есть соблюдение узуса ПЯ;

- 4) конвенциональная норма требует культурологического подхода к переводу;
- 5) норма эквивалентности предполагает максимально возможную общность содержания оригинала и перевода, которая обеспечит адекватность перевода и будет совместима с другими нормативными требованиями (Шадрин, 2017: 101-104).

В связи с вышеизложенным можно утверждать, что оценка качества перевода представляет собой комплексную и сложную процедуру. Если рассматривать оценку качества перевода отдельных речевых фрагментов, обладающих высоким уровнем экспликативной валентности, на наш взгляд, следует руководствоваться тем, что высокая экспликативная валентность активизирует когниции читателя, вовлекает его в смылосозидательный процесс, направляет сознание и участвует в построении дискурса, это значит, что переведенный текст должен оказывать такое же влияние на читателя, в такой же мере обеспечивать взаимодействие автора и читателя.

1.3.2. Переводческие стратегии

Стратегию в переводе можно определить как некий план переводчика для решения переводческой проблемы в рамках конкретной переводческой задачи (Теремкова, 2012: 177). Стратегия зависит от лингвистических, а также экстралингвистических показателей, например типа текста, вида осуществляемого перевода и потенциальной аудитории. А.Д. Швейцер отмечает, что особенно в случае художественного перевода стратегия так же подразумевает отбор наиболее значимых аспектов оригинала, которые должны быть отражены в переводе (Швейцер, 1988: 65). Стоит отметить теорию «эвристических» стратегий перевода, применимую к художественному тексту, которую предлагает Т.А. Казакова. Автор противопоставляет понятия «эвристика» и «алгоритм», ведь для перевода художественного текста не существует универсальной стратегии, поэтому переводчик пользуется определенными правилами и приемами для решения

аналогичных задач, корректируя стратегию в каждом частном случае при необходимости (Казакова, 1988: 64-65).

Любой текст при переводе неизбежно подвергается различным переводческим трансформациям, и это вполне оправдано несовпадением как грамматического строя двух языков, так и языковой картины мира двух культур. Согласно Л.С. Бархударову, переводческие трансформации представляют собой межъязыковые преобразования, нацеленные на то, чтобы текст перевода максимально полно передавал информацию оригинального текста, при строгом соблюдении норм переводящего языка. Л.С. Бархударов сводит все трансформации к четырем элементарным типам, а именно: 1) перестановки; 2) замены, к которым относятся компенсация, конкретизация и генерализация, антонимический перевод; 3) добавления; 4) опущения. Обычно они выступают не по отдельности, а в сочетании друг с другом (Бархударов, 1975: 191). При этом стоит отметить, что добавление, конкретизация, компенсация приведут к снижению, а опущение и генерализация к увеличению экспликативной валентности дискурса, антонимический перевод обладает потенциалом изменять экспликативную валентность в двух направлениях, все зависит от характера оригинального высказывания. Можно заметить, что трансформации, уменьшающие валентностный потенциал дискурса, представлены бóльшим разнообразием, в связи с чем логично сделать вывод о снижении экспликативной валентности при переводе. Рассмотрим, какие трансформации и приемы можно применить при переводе речевых конструкций с высокой экспликативной валентностью.

1.3.3. Переводческие практики

Практика показывает, что при переводе текст характеризуется большей степенью эксплицитности, а значит, он теряет свой потенциал на смысловое развертывание. По мнению Т.А. Алексейцевой, бóльшая эксплицитность переводного текста объясняется разной структурой и функционированием лингвистических систем двух языков, а также адаптацией исходного текста

под новую аудиторию для достижения целей коммуникации. В первом случае эксплицитность бывает вынужденной, во втором случае зависит в основном от решения переводчика (Алексейцева, 2008: 28). Согласно теории К. Клауди об асимметрии экспликации, переводчики чаще прибегают к приему экспликации, чем импликации (Claudy, 2012: 33-34). Более того, Я.В. Соколовский называет экспликацию и реконструкцию системы смыслов, задуманных автором, главной задачей переводчика художественного текста (Соколовский, 2013: 406). Сбалансированную идею выражает Т.А. Алексейцева, утверждая, что, недостаточно эксплицируя сложные фрагменты исходного текста в переводе, мы рискуем потерять читателя. С другой стороны, чрезмерно эксплицируя исходный текст, мы проявляем недоверие к читателю, его мыслительным способностям и можем исказить авторский замысел (Алексейцева, 2008: 33).

Т.А. Алексейцева выделяет четыре вида экспликации:

- 1) лингвистическая экспликация включает грамматическую и семантическую, восстанавливается на уровне фразы и зачастую носит обязательный характер, в отличие от остальных видов экспликации, так, например, эксплицируется категория рода при переводе с английского на русский;
- 2) контекстуальная экспликация восстанавливается на уровне контекста и зачастую является избыточной, примером является замена личного местоимения именем персонажа, или экспликация намека, в данном случае переводчик изменяет отношения между автором и читателем, а так же читателем и текстом;
- 3) культурологическая экспликация обусловлена различием фоновых знаний читателей исходного и переводного текстов, однако и этот вид экспликации носит факультативный характер и зависит в основном от решения переводчика, может быть представлена не только в тексте, но и в виде примечания;

4) металингвистическая экспликация раскрывает такие феномены языка, как игра слов, представляет собой перевод, к которому может даваться пояснение (Алексейцева, 2008: 28-34).

Не все маркеры высокой экспликативной валентности представляют особую сложность для перевода, взять, к примеру, **цитату**, которую и вовсе нельзя переводить самостоятельно, а следует использовать уже имеющийся перевод, как раз для того, чтобы читатель опознал ее, и цитата направила мысль читателя в нужное русло и реализовала свой валентностный потенциал. По мнению Т.А. Казаковой, если цитата не узнана в переводном тексте, это может привести к информационным потерям (Казакова, 2001: 276). Сложнее принять верное переводческое решение в случае с **аллюзией**, ведь нужно перевести ее таким образом, чтобы с одной стороны аллюзия могла быть опознана читателем, с другой стороны, она не должна быть очевидной. Если переводчик считает, что аллюзия слишком незнакома и имплицитна для принимающей культуры, он может эксплицировать ее, чтобы она могла выполнить свою функцию в тексте. Понимание **намёка, незаконченных высказываний и косвенных речевых актов** обусловлено контекстом, поэтому их экспликация представляется излишней. **Широкозначные слова** так же реализуют конкретное значение только в контексте, и становятся понятны благодаря ему, сами по себе они скорее не представляют сложности для перевода, однако такие слова более характерны для английского языка, который по своей природе более имплицитен, а в русском языке широкозначные слова могут требовать конкретизации. Что касается **оценочности**, Ю.В. Алешина утверждает, что в процессе перевода осложняется аксиологическая структура текста, ведь соприкасаются два текста, два субъекта оценки, автор и переводчик, с разными восприятиями объектов оценки, поэтому необходимо наиболее адекватно передать оценку с одного языка на другой, ведь в дальнейшем появится третий субъект оценки, читатель (Алешина, 2013: 21). А.А. Водяницкая отмечает, что в русском языке наблюдается тенденция конкретизировать и эксплицировать положительную оценку (Водяницкая, 2013: 77). Если рассматривать самый

распространенный способ выражения оценки, качественные прилагательные, при их переводе можно применить приемы конкретизации либо генерализации. Окказионализмы и вовсе можно отнести к непереводаемой лексике, ведь их значений нет в словаре, переводчику необходимо использовать свой словотворческий потенциал, нестандартное мышление и дополнительные когнитивные усилия, чтобы передать авторские новообразования. И.Г. Игнатьева описывает три основных модели перевода авторских новообразований:

- 1) создание нового слова на языке перевода по образцу авторского новообразования; Putinism – путинизм;
- 2) замена окказионализма узуальным вариантом на языке перевода; чилийский вариант Силиконовой долины;
- 3) транскрипция/транслитерация; Obamaville – Обамавилль (Игнатьева, 2013: 130-131).

Для перевода скрытых смыслов, обусловленных коллективной интенцией, к которым относятся **эвфемизм, политкорректные слова и стереотипы** следует опираться на экстралингвистический контекст. Если для принимающей культуры характерны аналогичные стереотипы и социальные установки, значит, скрытые смыслы будут понятны читателям переводного текста. В.С. Туйкова отмечает, что перевод эвфемизмов с английского на русский гораздо проще, переводчик не рискует задеть чувства читателей, так как проблема, которая привела к образованию эвфемизма, может отсутствовать в русской культуре (Туйкова, 2011: 27-30). С другой стороны, это приведет к тому, что скрытый смысл не будет понят читателем, слово не реализует свой потенциал на смысловое развертывание. Что касается речевых эвфемизмов и эвфемистических сочетаний, В.С. Туйкова наблюдает использование описательного перевода, что означает экспликацию и снижение экспликативной валентности (Туйкова, 2011: 30).

При передаче **отрицательных структур** может быть использован прием антонимического перевода, что снизит экспликативную валентность дискурса. К тому же следует учитывать мононегативность английского

языка, в переводе это приведет к добавлению элементов в русском языке, отличающемся полинегативностью.

Перевод **вопросительных структур** во многом зависит от того, является высказывание собственно-вопросом или несобственно-вопросом, последний относится к косвенным речевым актам и в большей степени подвержен таким трансформациям, как модуляция и грамматические трансформации, а собственно-вопросы в переводе обычно сохраняют семантику и структуру исходного предложения (Алимджанов, 2016: 100-101).

Особую сложность для перевода представляют различные **образные средства** языка, можно найти множество исследований, посвященных каждому из них в отдельности, мы же попытаемся наиболее кратко и в общем виде изложить способы их перевода и сложности, которые могут при этом возникнуть. Когда образ, на котором строится троп, совпадает, переводчику удастся без потерь передать мысль автора, однако такое случается нечасто, а значит необходимо использовать различные трансформации для точной передачи смысла и образности.

Передача **метафоры** может осуществляться через замену образа, сравнение или же описательно. Особенно важно передавать речевые, авторские метафоры, ведь они участвуют в создании художественного образа. Так как **аллегория** и **перифраз** строятся по принципу развернутой метафоры, мы можем применить к ним эти же принципы. По мнению Т.А. Казаковой, **метонимию**, в отличие от метафоры редко можно передать сравнением, но она может образовывать метонимические эпитеты, на основе ассоциации между предметом и одним из его признаков или свойств, например: "В кабинет буквально ввалилась джинсовая девица" (Казакова, 2001: 260). Сложность перевода **синекдохи** заключается в различиях и ограничениях категории «часть/целое» в разных языках, в русском языке данный троп довольно ограничен, а в английском языке синекдоха так же естественна, как метафора, в связи с этим передача синекдохи может потребовать добавлений (Казакова, 2001: 261).

Сложность передачи **автономасии** отмечает Т.А. Казакова, так как именная метонимия может содержать имена, знакомые всем в рамках исходной культуры, но неизвестные в переводящей культуре (Казакова, 2001: 263). Переводчик может прибегнуть к описательному переводу либо сделать примечание.

Сложность при переводе **олицетворения** связана с несовпадением грамматических категорий, например отсутствие категории рода в английском языке требует добавлений в переводе на русский язык. А в случае с олицетворением животного, проблему представляет несовпадение эмоционально-оценочных ассоциаций, связанных с определенным животным (Казакова, 2001: 239). Переводчик может применять морфологические средства, чтобы передать коннотации или же использовать другой образ.

Сложность при переводе **иронии**, по мнению Т.А. Казаковой, часто заключается не в передаче собственно языковых единиц, а в различиях способов выражения иронии в разных языках. Передача иронии может требовать антонимического преобразования, что повлечет преобразование всей структуры контраста, на котором основана ирония (Казакова, 2001: 273-274). Если не удастся сохранить исходную лексическую и грамматическую структуру иронии, можно расширить иронический оборот, добавить смысловые компоненты, прибегнуть к антонимическому переводу или культурно-ситуативной замене (Казакова, 2001: 280-281).

Как отмечает С.К. Кубашичева, перевод **идиом** требует отражения образной, а не языковой структуры выражения. При несовпадении образов в исходном и переводном языке, следует переводить идиому описательно (Кубашичева, 2013: 39).

Выводы по главе I

В первой главе настоящего исследования были рассмотрены наиболее важные для данной работы положения, которые получили освещение в трудах отечественных и зарубежных ученых, занимающихся проблемами дискурса, когнитивной лингвистики, стилистики и переводоведения. Рассмотрение данных положений позволило сделать следующие выводы:

- 1) будучи противопоставленными, речь и язык, тем не менее, тесно связаны, ведь речь представляет собой язык в действии, и именно в речи реализуются функции слов и проявляются их значения;
- 2) в речи наблюдается асимметрия имплицитной и эксплицитной сторон содержания высказывания в пользу первой, к маркерам скрытых смыслов мы относим стереотипы, эвфемизмы, политкорректные слова, изобразительно-выразительные средства языка, идиомы, косвенные речевые акты;
- 3) наибольшим потенциалом на смысловое развертывание среди изобразительно выразительных средств обладает метафора, особенно развернутая авторская, речевая метонимия, синекдоха, антономасия, аллегория и перифраз, которые строятся по принципу развернутой метафоры, аллюзия и цитация, которые отсылают нас к другим текстам или даже подключают к высказыванию экстралингвистическую информацию;
- 4) функциональный потенциал представляет собой набор семантических, синтаксических, структурных и экспрессивных функций, при этом наиболее высоким функциональным потенциалом обладают широкозначные слова, что проявляется в гибкости, которую они проявляют в речи и возможности их синонимической замены;
- 5) оценочные предикаты обладают высоким потенциалом на смысловое развертывание, что обусловлено их субъективностью, высокой иллокутивной силой, недескриптивностью, имплицитной отсылкой к определенному идеалу, при этом наиболее высокой экспликативной

валентностью обладают общеоценочные предикаты «хороший/плохой», а так же выражения отрицательной оценки, так как ненормативные ситуации отличаются большим разнообразием;

- б) под экспликативной валентностью мы понимаем неполноту значения дискурса, его способность на смысловое развертывание, высокой экспликативной валентностью обладает вопрос, отрицательные структуры, незаконченные высказывания, высказывания, выражающие эмоции и категоричность, которая может быть использована вместо аргументации, иносказание, окказионализмы, при этом концентрация таких элементов в дискурсе еще больше увеличивает его валентностный потенциал;
- 7) из-за многочисленных трансформаций, которым подвергается текст при переводе, мы не считаем его тождественным оригиналу, а лишь аналогом, в связи с этим мы используем термин «эквивалентность» для передачи уровня близости перевода оригиналу;
- 8) переводческая стратегия выбирается переводчиком в зависимости от типа текста, вида перевода, потенциального реципиента и других факторов, и реализуется в процессе перевода, однако художественный текст, насыщенный импликациями, изобразительно-выразительными средствами и речевыми фрагментами с высокой экспликативной валентностью, не позволяет выработать единую и четкую стратегию, поэтому следует воспользоваться «эвристической» стратегией, которая, руководствуясь общими принципами, подстраивается под частные задачи, возникающие при переводе;
- 9) переводческие трансформации, приводящие к снижению экспликативной валентности представлены, в большем количестве, что уже предопределяет более распространенные случаи снижения потенциала дискурса на смысловое развертывание при переводе;
- 10) чрезмерная экспликация нарушает отношения между автором и читателем, а так же читателем и текстом, лишая читателя возможности активно участвовать в построении дискурса;

- 11) обязательный характер имеет только лингвистическая экспликация, которая эксплицирует неинтенциональные скрытые смыслы на уровне языка, в то время как контекстуальная, культурологическая и метатекстуальная экспликации, которые включают в сферу влияния более широкий ряд скрытых смыслов, являются факультативными и даже избыточными;
- 12) несмотря на факультативность экспликации, часто в связи с несовпадением языковой, образной или ценностной картины мира, переводчик вынужден прибегать именно к такому способу перевода.

Глава II – Практическое исследование степени сохранения экспликативной валентности речи в переводе

2.1. Увеличение экспликативной валентности речи в переводе

Пример 1.

<p>‘You must let me meet these friends of yours,’ he says. ‘Invite them round one evening, why not, and we can... <u>stoke up the fire</u> and have an enjoyable evening together sorting out our little differences.’ [FM, 155]</p>	<p>«Вы непременно должны меня познакомить со своими друзьями, — говорит он. — Пригласите-ка их как-нибудь вечером... <u>на огонек</u>. Думаю, мы замечательно проведем время, обсуждая наши незначительные разногласия». [ФМ, 132]</p>
--	--

В данном примере герой воображает ситуацию, в которой кардинал Гранвела, руководивший Нидерландами в 17 в., приходит к художнику Брейгелю и просит познакомить его со своими друзьями. Из контекста мы также знаем, что эти друзья входили в запрещенную тогда организацию, а подобные вещи карались инквизицией. Фраза «*stoke up the fire*» означает разжечь огонь, и в данном контексте понимается вовсе не как предложение разжечь огонь в камине, а намек на сожжение на костре. Вариант «пригласить на огонек», выбранный переводчиком, несомненно, сохраняет данный намек, но является по нашему мнению менее явной отсылкой к сожжению на костре. Во-первых, в русском языке существует устойчивое выражение «*заглянуть на огонек*», которое означает зайти в гости, в связи с чем? у русскоязычного читателя сначала возникает именно эта ассоциация, зафиксированная в языке. Во-вторых, уменьшительно-ласкательный суффикс в слове «огонек», меняет оценочную коннотацию слова, ассоциируя огонь не с опасностью, а с уютом, теплом и светом, а значит, становится менее явной отсылка к страшным кострам инквизиции. Очевидное увеличение экспликативной валентности, делает намек менее прозрачным, однако, не мешает его опознанию, а значит, авторский замысел не был нарушен, и данный перевод можно считать успешным.

Пример 2.

'You very sweetly and generously offered to lend me some money...' 'Oh, <i>money</i> ,' she says disappointed. I thought you meant <u>something quite different</u> .' [FM, 335]	Ты была столь великодушна и любезна, у что предложила мне взаймы... — Ты о деньгах, — разочарованно говорит она, — <u>а я-то думала...</u> [ФМ, 286]
---	---

Данный пример представляет собой диалог между мужчиной и женщиной, у каждого из них свои семьи, однако их связывает взаимная симпатия, более выраженная со стороны героини. Повышение экспликативной валентности связано с тем, что в переводном тексте фраза героини представляет собой незаконченное высказывание, что задерживает внимания читателя и провоцирует поиск возможных вариантов заполнить пустоту. Стоит отметить, что оригинальная фраза так же обладает потенциалом на смысловое развертывание, ведь героиня не выражает эксплицитно, что она надеялась услышать, а использует неопределенное местоимение «*something*», но ее фраза завершена, а поэтому и не требует экспликации с такой же настойчивостью, как переводная.

Пример 3.

"Look, I've agreed to pay your father back. That's the arrangement." " <u>That's not what I meant at all</u> ." [MI, 27]	– Слушай, мы договорились, что я выплачу долг твоему отцу. Таково условие. – <u>Я вовсе не к тому вела...</u> [МИ, 26]
---	---

В данном примере реплика героини в исходном тексте уже обладает высокой экспликативной валентностью, так как является отрицательной структурой, а в переводе потенциал на смысловое развертывание увеличивается, ведь высказывание героини кажется незавершенным из-за многоточия. Данный пример представляет диалог между молодым человеком и девушкой, которые испытывают друг к другу сильные чувства, однако сами еще не до конца осознают это, не могут выразить, что осложняет их общение. Переводчик, возможно, решил передать эту недоговоренность между влюбленными, малоинформативное незаконченное отрицательное

высказывание активизирует когнитивные процессы читателя. Как и предыдущий, данный пример отражает развитие отношений между главными героями, интересным кажется наблюдение, что фрагменты речи, связанные с описанием чувств, обладают более сложной семантической структурой, ведь все сказанное интерпретируется читателем с учетом чувств и отношений героев в свете своего собственного опыта и мировоззрения, и тогда каждое слово может иметь отдельный вес и обретать особый смысл.

Пример 4.

I'm not certain about anything. [FM, 54]	Я не уверен уже ни в чем. Неужели мои выводы были ошибкой? [ФМ, 51]
--	--

Данный пример демонстрирует, что добавление в переводе не всегда означает объяснение и снижение экспликативной валентности. Отметим, что исходный текст так же обладает достаточно высоким валентностным потенциалом, так как является отрицательной структурой и не сообщает нам верифицированной информации. В перевод добавлен вопрос, что провоцирует поиск ответа, и увеличивает потенциал высказывания на смысловое развертывание. Данное добавление может показаться необоснованным, но его можно оправдать тем, что более объемная часть текста, окружающая этот фрагмент, и ситуация, описанная в нем, обладают высокой экспликативной валентностью. Герой, ранее уверенный в своем предположении, понимает, что ошибался насчет автора картины, и вся его теория, основанная на обширном исследовании научных трудов, рухнула. В результате образовался семантический вакуум: теперь неизвестно, кто автор картины, представляет ли она ценность, стоит ли она всех ухищрений героя, именно эта общая высокая экспликативность дискурса оправдывает такое добавление неverified компонента, отсутствующего в исходном тексте.

Пример 5.

Over a million pounds for a <i>copy</i> . So for an original... An original that opens and	Больше миллиона фунтов за копию! А за оригинал?... Оригинал, которого не
--	--

completes the great cycle of the year...[FM, 87]	достаёт в знаменитой серии и которым эта серия открывается?... [ФМ, 76]
--	---

В данном примере герой, обратившись к искусствоведческим справочникам, размышляет, сколько может стоить обнаруженная им картина, которая, по его мнению, принадлежит кисти всемирно известного художника. Он понимает, что сумма получится огромная, но даже не представляет насколько. Исходный текст уже обладает высокой экспликативной валентностью, а при переводе она увеличивается, так как незаконченные высказывания подвергаются грамматической трансформации и становятся вопросительными, в связи с чем, они с большей настойчивостью требуют экспликации.

Пример 6.

I turn to look. Another four-wheel-drive is bumping over the potholes towards us. A much larger, cleaner, more modern and steamlined one than Tony's. Out of the car, <u>bizzarrelly, climbs Tony Churt.</u> A much larger, cleaner, more modern and steamlined Tony Churt than Tony Churt himself. [FM, 274]	Я оборачиваюсь. Преодолевая рытвины, в нашу сторону едет еще один внедорожник, только более внушительный, чистый, современный и обтекаемый, чем «лендровер» Тони. <u>Тут происходит невероятное.</u> Машина останавливается, и из нее выбирается <u>еще один Тони Керт.</u> Вернее, более внушительная, чистая, современная и обтекаемая его версия. [ФМ, 233]
---	--

В данном примере исходный текст также обладает высокой экспликативной валентностью, а связано это неожиданным поворотом сюжета: появляется новый герой, который как две капли воды похож на уже известного нам героя. Увеличение экспликативной валентности обусловлено фразой «и тут происходит невероятное», которую мы видим в переводе. Она не сообщает фактуальной информации о событии, а лишь указывает на него и дает ему оценку, которая показывает, что событие удивило героя. Читатель, конечно же, стремится узнать, что же такое невероятное произошло и находит ответ в следующем предложении. Это незначительное увеличение

экспликативной валентности произошло в связи с тем, что оценка еще не произошедшему событию вынесена в отдельное предложение и поставлена в препозицию, в то время как в оригинале оценка, выраженная словом «bizarrely», включена в предложение и находится в непосредственной близости с оцениваемым событием. Таким образом, изменение порядка элементов дискурса повлияло на его экспликативную валентность.

Пример 7.

It wasn't till class ended that I realized Mike wasn't sitting in his usual seat next to me. I felt a twinge of guilt. But he and Eric both met me at the door as usual, so I figured I <u>wasn't totally unforgiven</u> . [MS, 44]	Только к концу занятия до меня дошло, что Майк не сидит на своем привычном месте рядом со мной. Я чувствовала себя виноватой, но после английского они с Эриком ждали у двери, значит, все <u>не так уж плохо</u> . [МС, 38]
---	--

В данном примере у героини возник конфликт с друзьями, по их действиям она делает вывод, что друзья все-таки прощают ее, но полной уверенности у нее в этом нет, и это отражается в форме выражения мыслей героини. Фраза «wasn't unforgiven» представляет собой двойное отрицание, то есть литоту, которая обладает сравнительно высоким потенциалом на смысловое развертывание. В переводе данный элемент был генерализирован общеоценочным предикатом, что увеличило экспликативную валентность текста.

Пример 8.

"I was away in my thoughts," he began to explain. [MI, 25]	– <u>Я задумался...</u> – хотел было объяснить он, но она его <u>перебила</u> . [МИ, 24]
--	--

В данном примере герой объясняет, почему не заметил, как к нему подошла героиня. В исходном тексте на незаконченность высказывания указывает только глагол «*began*», который сообщает о начале действия, а в переводе это понятно уже по многоточию, которым заканчивается фраза, и по глаголу «*перебить*», который сигнализирует, что герой не договорил. Незаконченность высказывания в переводе обуславливает увеличение его экспликативной валентности.

Пример 9.

My palms tingled — I wanted so badly to hit him. I was <u>surprised</u> at myself. [MS, 42]	У меня зачесались руки – страшно хотелось врезать ему! <u>Что со мной творится?</u> [МС, 36]
---	--

В данном примере героиня оценивает свое состояние и реакцию на одноклассника, частнооценочный предикат выражает удивление. Как мы знаем, оценочные предикаты недескриптивны и малоинформативны, а значит высказывание обладает потенциалом на смысловое развитие. В переводе высказывание подвергается модуляции и грамматической трансформации. Вопросительное предложение в переводном тексте увеличивает экспликативную валентность речи.

Пример 10.

She was being mocked, or she was being punished—she did not know which was worse. Punished for being in a different circle at Cambridge, for not having a charlady for a mother; mocked for her poor degree—not that they actually awarded degrees to women anyway. [MI, 27]	То ли над ней насмехаются, то ли наказывают за что-то – неизвестно, что хуже. <u>Наказывают за то, что в Кембридже она вращалась в других кругах? За то, что ее мать не уборщица? Насмехаются из-за плохих оценок, с которыми она окончила курс? А где, в каком учебном заведении женщину вознаграждают по заслугам?</u> [МИ, 27]
--	---

В данном примере героиня пытается понять и не может интерпретировать отношение к себе со стороны знакомого, возможно, именно эта неуверенность героини, подтолкнула переводчика, произвести трансформацию утвердительных высказываний в вопросительные, что привело к увеличению экспликативной валентности данного фрагмента, особенно при учете высокой концентрации вопросительных предложений. В исходном тексте мысли героини являются лишь предположениями о причинах странного отношения знакомого к ней, а в переводном тексте в форме вопросов они к тому же обретают дополнительный смысл и имплицитно выражают несправедливость этих причин.

Пример 11.

<p>The crucifixes waiting for Christ and the two thieves aren't the only engines of execution set up on the muddy hillsides that bright spring morning – the landscape's studded with gibbets, and with those cartwheels on top of poles on which victims were exposed and left to die. [FM, 299]</p>	<p>Кресты, приготовленные для Христа и двух разбойников, не единственное приспособление для казни, украшающее местность этим ярким весенним утром. Окрестные холмы усыпаны виселицами и врытыми землю столбами с колесами от телег наверху, к которым привязывали <u>«преступников»</u> и оставляли умирать у всех на виду. [ФМ, 253]</p>
---	---

В данном примере герой описывает одну из картин Брейгеля и находит в ней отсылки к ситуации в Нидерландах того времени, а именно к казням огромного количества невинных людей по религиозному признаку. Повышение экспликативной валентности данного фрагмента обусловлено переводом слова «*victims*» как «*преступники*», это приводит к образованию иронии, что обозначено кавычками, самым простым и распространенным способом выражения иронии. В исходном тексте эксплицитно выражен факт, что казненные являются жертвами инквизиции, перевод же представляет собой характеристику, которую применяют сами инквизиторы как основание для казни невинных людей. Такого рода «иронизацию» в переводе можно считать сходной по характеру с антонимическим переводом, ведь ирония, как мы знаем, это троп, основанный на противопоставлении. Слова, составляющие контрастную пару в иронии, могут являться не языковыми, а скорее контекстуальными антонимами, так как противопоставление может быть сделано на основе отдельных, случайных признаков, поэтому такой способ перевода можно считать образным антонимическим переводом. Оценочность, которая проявляется в переводном фрагменте параллельно с иронией, так же осложняет семантическую структуру высказывания, стоит отметить, что это не противоречит отношению героя к ситуации, а значит, перевод является успешным.

Пример 12.

There, parked on the street in front of the house that never changed, was my new — well, new to me — truck. It was a faded red color, with big, rounded fenders and a bulbous cab. [MS, 6]	У дома, над которым, похоже, не властно время, стоял мой <u>«новый»</u> пикап, блекло-красный, с большими закругленными крыльями и просторной кабиной. [МС, 7]
--	--

В данном примере героиня видит подарок своего отца – машину. Из более широкого контекста мы знаем, что машина подержанная, а не новая. Экспликативная валентность повышается благодаря иронии, которая появляется в переводном тексте, переводчик так же использует кавычки для ее обозначения. Героиня не уверена, справится ли с такой управлением и ремонтом такой старой машины, поэтому оценочность, проявляющаяся вместе с иронией здесь уместна.

Пример 13.

If I were lucky enough to sit by you, I would have talked to you. [MS, 15]	Если бы случилось чудо, и тебя посадили со мной, <u>я бы времени зря не терял!</u> [MS, 13]
--	---

В данном примере одноклассник новой ученицы говорит, что в отличие от ее соседа по парте поговорил бы с ней. В переводе эта мысль выражена имплицитно, экспликативная валентность высказывания увеличивается, так как антонимический перевод сделал его отрицательным и менее информативным, а значит, переводное высказывание можно интерпретировать более вариативно.

Пример 14.

‘Second opinion,’ says Tony as the yellow object escapes him again. ‘I always get a second opinion.’ [FM, 273]	Я <u>никогда не довольствуюсь</u> одним мнением, — отвечает Тони, в очередной раз обронив загадочный предмет. [ФМ, 232]
--	---

Герой признается, что всегда советуется с несколькими людьми. В данном примере экспликативная валентность высказывания увеличивается так же из-за антонимического перевода, но не значительно, так как, в отличие

от предыдущего примера, переводная отрицательная конструкция не поддается такой же вольной интерпретации и понимается однозначно.

Пример 15.

I'm afraid Mr Koeing's in a meeting. [FM, 324]	Боюсь, что мистер Кёниг сейчас <u>занят</u> . [ФМ, 275]
--	---

В переводе данного предложения использован прием генерализации, что немного повышает уровень его экспликативной валентности, однако ситуативная эквивалентность сохранена. Секретарь сообщает, что мистер Кёниг занят, не уточняя чем именно, и этой информации оказывается достаточно. К тому же данный пример представляет собой диалог между героями, поэтому недостаточность информации может ощущаться скорее героем-реципиентом, нежели читателем, который находится над этой коммуникативной ситуацией.

Пример 16.

My eye's flickering back and forth too fast in its excitement, and my mind is clouded with anguish. Because it's all too obvious [44].	От волнения мой взгляд мечется по картине, и мучительный вопрос лишает меня способности соображать. <u>Как же можно не понять?..</u> [41]
--	---

В данном примере герой рассматривает картину, которую посчитал утерянной работой всемирно известного художника Брейгеля, эта догадка не вызывает у него сомнений и кажется настолько очевидной, что все должны были уже это понять. Переводчик развивает эту мысль, используя прием модуляции, а затем при помощи грамматической трансформации преобразует ее в вопросительное предложение. Таким образом происходит увеличение экспликативной валентности, этот эффект усиливается еще и многоточием в конце предложения, такой двойной маркер высокой экспликативной валентности привлекает внимание читателя и заставляет задуматься, почему же все-таки картину никто не опознал, если это так очевидно, и даже усомниться в правильности предположений героя.

Пример 17.

Another of Helen's virtues: she hasn't got any art historian friends of hers to come and buy her behind my back. [279]	Еще одно достоинство «Елены»: у нее нет приятелей-искусствоведов, которые могли бы <u>соблазнить</u> ее за моей спиной. [251]
--	---

В данном примере герой рассуждает о картине, на которой изображена сцена похищения Елены Троянской, а точнее о ее преимуществах перед соседом героя, который за его спиной советовался с искусствоведом и договаривался о продаже картин, как и с героем. Следует отметить, что картина олицетворена, герой называет ее по имени, и говорит о ней, как об обычной женщине, поэтому контекстуальная замена глагола «*buy*» на глагол «*соблазнить*» является, на наш взгляд, очень удачным переводческим решением. К тому же, такой перевод привел к увеличению экспликативной валентности высказывания, ведь в данном контексте глагол «*соблазнить*» реализует не языковое значение, а контекстное, которое интерпретируется читателем.

Пример 18.

“You didn't qualify, you just promised one answer,” he reminded me. “And you've broken promises yourself,” I reminded him back. [MS, 48]	– Ты обещала выполнить одну просьбу без ограничений, – напомнил он. – <u>А ты сам никогда не нарушал обещаний?</u> [МС, 40]
---	--

В переводе данного диалога реплика героини подвергается грамматической трансформации и становится вопросительным по форме высказыванием, но оно является несобственно-вопросом, а скрытым утверждением, намеком, ведь из более широкого контекста мы знаем, что герой действительно не всегда сдерживал обещания. Таким образом, высказывание представляет собой косвенный речевой акт, а они обладают довольно высокой экспликативной валентностью. Стоит отметить, что в данном примере, высокая речевая структура с высокой экспликативной валентностью находится в диалоге, а значит, участвует в выстраивании дискурса внутри текста между героями, а не между автором и читателем.

Пример 19.

Kate looks at me. If I thought her chat with Tony went on for a disturbingly long time, I realize, then she must presumably think the same about my examination of Laura's ribs. [FM, 211]	Кейт внимательно смотрит на меня. Если уж мне показалось, что ее разговор с Тони слишком затянулся, то, <u>что она должна была подумать о моем изучении Лориных ребер?</u> [ФМ, 179]
--	--

В данном примере герой размышляет о неловкой ситуации, в которую он попал. Утром он пошел к соседям, чтобы взглянуть на заинтересовавшую его картину. Хозяина не оказалось дома, а хозяйка, показала ему синяки от побоев мужа, которые находились на уровне ребер. Вернувшись домой, герой узнает, что сосед заходил к ним и даже побеседовал с его женой. Героя это удивило и насторожило, желая ухудшить мнение жены о соседе, он сообщает ей, что сосед бьет свою жену, что она показала ему синяки. В исходном тексте возможные мысли жены героя выражены фразой «think the same», сопоставив ее с мыслями героя, мы понимаем, что ее могло насторожить долгое пребывание мужа у соседей. В переводе же ситуация переосмысливается, сравнительная структура высказывания показывает, что ситуация, в которой оказался герой, гораздо хуже чем невинная беседа жены с соседом, а вопросительная структура настойчиво требует экспликации, при этом, склоняя нас к мысли, что жена, должно быть, подозревает мужа в измене. Таким образом, переводной фрагмент обладает большим потенциалом на смысловое развертывание и с большей настойчивостью требует экспликации.

Пример 20.

They're to be executed at midnight in their dungeons, by binding their heads between their knees, and then slowly suffocating them in tubs of water. [FM, 341]	Отныне еретиков следует казнить в полночь и прямо в тюремной камере. Теперь их связывают так, что голова оказывается между колен, и медленно топят в лоханях с водой... [ФМ, 291]
--	---

Данный пример представляет один из немногих случаев появления, так сказать, «ложной» экспликативной валентности. Проявляется она в том, что

переводной текст подразумевает недосказанность, наличие скрытых смыслов, которых в исходном тексте на самом деле нет. Фрагмент оригинального текста представляет собой верифицированную информацию, найденную героем в научной литературе, а значит, не подразумевает смыслового развертывания. В переводе высказывание остается незавершенным, что привлекает внимание читателя и стимулирует его мыслительную деятельность. Возможно, таким образом переводчик стремится выделить в тексте важные, по его мнению, фрагменты, задержать направить мысль читателя на этих моментах и обдумать их, в данном случае ужаснуться жестокости инквизиции, а это уже означает вмешательство в отношения между автором и читателем

2.2. Уменьшение экспликативной валентности речи в переводе

Пример 21.

There's <u>another unsettling novelty</u> about this visit, too – the long <u>box</u> jammed among the junk on the back seat and held carefully in its place with two seatbelts. Faint sounds are beginning to emerge from it. Kate twists around and gazes at the contents. [FM, 7]	С этой поездкой связано еще одно <u>тревожащее нас новое обстоятельство</u> — на заднем сиденье среди всякого хлама надежно закреплена двумя ремнями <u>переносная детская люлька</u> . Из нее уже доносятся слабые звуки. Кейт поворачивается и осматривает ее содержимое. [ФМ, 4]
--	---

Данный пример представляет собой отрывок из начала произведения, мы еще практически ничего не знаем о героях, и каждый фрагмент информации о них является новым и актуальным. Герой отмечает, не называя конкретно, еще одно обстоятельство, связанное с ними. Высокую экспликативную валентность данного фрагмента обуславливают различные факторы: неопределенное местоимение «*another*», слово «*novelty*», семантика которого предполагает неизвестность, отрицательный оценочный предикат «*unsettling*», который затрудняет интерпретацию ситуации, ведь отрицательная оценка означает большую вариативность, и широкозначное

слово «*box*», которое ближе всего подводит нас к разгадке, однако не дает ответа, тем самым концентрирует внимание читателя и стимулирует мыслительную деятельность. Однако этот ключевой элемент создания высокой экспликативной валентности теряется в переводе в результате конкретизации, завеса тайны спадает, и дискурс теряет свою силу. Вариант перевода «переносная детская люлька» является контекстно обусловленным семантическим эквивалентом, однако это значение реализуется лишь позднее, в приведенном же отрывке исходного текста до самого конца невозможно с полной уверенностью понять, что скрывается за словом «*box*» и «*unsettling novelty*», в то время как в переводном фрагменте уже в первом предложении становится понятно, что в этот раз герои едут с ребенком.

Пример 22.

<p>We get impressive whiffs of decaying vegetables and riding schools from time to time, but we keep passing the <u>wrong</u> sort of houses you might find around Edgware – and the people <u>don't look right</u>. [FM, 5]</p>	<p>Конечно, время от времени наши ноздри ласкает впечатляющий запах гнилых овощей и навоза, но вот дома здесь все равно, что в районе Эджуэра — еще <u>не вполне деревенские</u>, да и людей при всем желании <u>нельзя назвать сельскими</u> жителями. [ФМ, 3]</p>
--	---

В данном примере элементами с высокой экспликативностью являются отрицательные оценочные предикаты «*wrong*» и «*not right*», которые показывают, что дома и люди на их пути не соответствуют определенной норме, предъявляемой героями. Мы знаем, что герои направляются в «настоящую» деревню, как можно дальше от города, именно этот факт лег в основу имплицитной шкалы, по которой они оценивают объекты. Прилагательное «неправильный» в данном контексте приобретает значение «не деревенский». При переводе необходимость в экспликации и развертывании смысла исчезает из-за модуляции, что лишает читателя возможности активно участвовать в процессе интерпретации скрытых смыслов, задуманных автором.

Пример 23.

But Joe. The three-year-old, took to him almost at once, mostly because during their first meeting Will held him upside-down by his ankles. That was it. That was all it took. He wished that relationships with <u>proper human beings</u> were that easy. [HN, 20]	В отличие от нее, трехлетний Джо влюбился в него практически сразу — за то, что при первой встрече Уилл подержал его за ноги вверх тормашками. Вот и все. Больше ничего не понадобилось. Ах, если бы так же запросто можно было устанавливать отношения со <u>взрослыми</u> ! [ХН]
--	--

В данном примере реализуется контекстуальное значение словосочетания «*proper human beings*», которое, являясь оценочным, обладает высокой экспликативной валентностью. Для героя имплицированную шкалу, на основании которой он выставляет оценку, представляет возраст, мы понимаем это из противопоставления маленького мальчика Джо нормальным людям. Из этого следует два вывода: во-первых, нормальными людьми для героя являются взрослые, и во-вторых, детей герой не считает нормальными, это во многом участвует в создании образа героя, как закоренелого холостяка. В процессе перевода использована модуляция, и предложен перевод «*взрослые*», что не отражает обе стороны импликации, снижает экспликативную валентность высказывания, так как является дескриптивным прилагательным, и не отражает важную для создания образа героя информацию.

Пример 24.

What's it doing in the breakfast room of all places? It's <u>not the kind of thing</u> you'd want to come face to face with after a heavy night on some of Mr Skelton's by-products. [FM, 36]	Почему картину повесили именно в столовой для завтраков? Когда вы спускаетесь к завтраку после усердных ночных возлияний с применением алкогольной продукции мистера Скелтона, один только взгляд на этот шедевр <u>может вас доконать</u> . [ФМ, 33]
---	---

Отрицательная структура в исходном тексте обуславливает его высокую экспликативную валентность. Герой думает о картине, которая не произвела

на него положительного впечатления. Переводчик прибегает к конкретизации и модуляции, а значит, перевод становится более эксплицитным и теряет потенциал на смысловое развертывание.

Пример 25.

It's the <u>Amalienburg Palace</u> all over again. [FM, 373]	<u>Плач у дворца Амалиенбург</u> повторяется. [ФМ, 317]
---	--

В данном примере содержится внутритекстовая аллюзия, отсылающая нас к прошлому героя, к одному из редких моментов, когда он плакал, что случилось у дворца Амалиенбург, таким образом, он иносказательно говорит, что плачет. В переводе отсылка сохраняется, однако она теряет свой потенциал на смысловое развертывание, ведь семантические элементы, подразумеваемые аллюзией в исходном тексте, облечены в эксплицитную форму в переводе в результате модуляции. Переводчик как бы не выражает достаточного доверия потенциальному читателю, и сомневается, что реципиент сможет вспомнить прецедентный случай из жизни героя и опознать аллюзию.

Пример 26.

She gives my hand another squeeze, painfully hard this time, and moves forward into the darkness. I grab at her sleeve again. 'Laura! <u>Please, please, please!</u> ' [FM, 377]	Она еще раз сжимает мне руку, на этот раз до боли твердо, и уходит во тьму. Я снова хватаю ее за рукав: — Лора! <u>Пожалуйста, не ходи!</u> [ФМ, 321]
--	--

В данном примере перед нами фрагмент эмоциональной речи, которая отличается высокой экспликативной валентностью. Герой настолько волнуется и напуган, что даже не может сформулировать полноценное предложение, а только повторяет слово «*please*». Семантическая опустошенность речи героя позволяет с относительной вариативностью интерпретировать его мысли, в переводе использована модуляция, и мысли героя обретают более устойчивую форму, что приводит к снижению эмоциональности и утрате потенциала на смысловое развертывание.

Пример 27.

<p>'I said give it to me.'</p> <p>'<u>I found my uncle. When I was a boy. I still dream about it.</u>' [FM, 380]</p>	<p>— Отдай ружье.</p> <p>— Еще мальчишкой я нашел своего дядю, когда он застрелился. Его голова до сих пор мне снится по ночам. [ФМ, 324]</p>
--	---

В данном примере герой в состоянии алкогольного опьянения грозит своей жене, что покончит с собой. Его эмоции на пределе, он не полностью отдает себе отчет в своих действиях, а его речь обрывочна. Высказывание героя обладает высокой экспликативной валентностью, и только в контексте мы можем интерпретировать смысл этого речевого фрагмента. Использование приема модуляции нейтрализует высокую экспликативную валентность речи героя, более того высказывания героя в переводном тексте отличаются логичностью и законченностью, что скорее нехарактерно для человека в состоянии аффекта, а значит нарушает образ, задуманный автором.

Пример 28.

<p>No, there's no signature. If there were, he wouldn't have his hand on the picture like that, because the alarms would have gone off and the security guards would have come running. [FM, 45]</p>	<p>Верно, подписи нет. Если бы она была, он бы сейчас не держал картину вот так, за край, потому что давно сработала бы сигнализация, и со всех сторон к нам сбегалась бы <u>музейная</u> охрана. [ФМ, 42]</p>
--	--

В данном примере герой строит предположение о судьбе картины, будь на ней подпись автора. Герой уверен, что картина висела бы в музее, но выражает это косвенно, поэтому остается потенциал для мыслительной деятельности читателя, но в переводе конкретизация «*музейная охрана*» лишает высказывание потенциала на смысловое развертывание.

Пример 29.

<p>This is what I came for, after all. Check the size and find the little walker, before a flying splash of Nitromous expunges him and the answer to the problem will be forever... no,</p>	<p>Именно за этим я и приехал сегодня в Апвуд. Я обязательно должен ее измерить и найти маленького пилигрима, прежде чем он исчезнет под пропитанной</p>
---	--

no. No panic. [FM, 196]	ацетоном тряпкой и ключ к разгадке великой тайны будет <u>утерян навеки...</u> Стоп, без паники. [ФМ, 163]
-------------------------	--

Герой переживает, что хозяин ценной картины может повредить ее растворителем в попытке очистить. Герой хочет подтвердить свои догадки относительно картины, и даже не хочет допускать мысли о том, что картина может быть уничтожена, поэтому он останавливает себя, не закончив мысль, и его высказывание остается незаконченным, но восстанавливается без трудностей. В переводе использован прием модуляции, и незаконченная мысль героя выражается эксплицитно, а значит, снижается экспликативная валентность данного фрагмента, но предложение заканчивается многоточием, что все-таки оставляет ощущение недосказанности и некоторый потенциал на смысловое развертывание.

Пример 30.

So Granvelle, who'd got his <u>round hat</u> only the year before this picture was painted, must have wondered if there wasn't just a bit of a secret tease in it. [FM, 301]	Надо думать, Гранвела, который получил свою <u>кардинальскую шапочку</u> всего за год до создания картины, подозревал в ней тайную насмешку. [ФМ, 254]
--	--

В данном примере иносказательно выражена мысль о том, что Гранвела стал кардиналом, через отсылку к головному убору характерному для данного духовного лица, а для интерпретации иносказания в исходном тексте читателю необходимо обладать определенными экстралингвистическим знаниями. Эпитет «*round*», указывающий только на форму головного убора, обеспечивает высокий потенциал высказывания на смысловое развертывание, который исчезает в переводе, в результате модуляции. В данном контексте слово «*кардинальский*» представляет собой частное значение слова «*round*».

Пример 31.

Two nicely brought up, well-educated mother's sons, and here we are, me trying to sell a picture that's not mine, him trying to	В подземном гараже торгуются двое воспитанных и образованных маменькиных сынков, причем один пытается продать
---	---

buy it with <u>money that's almost certainly not his</u> . [F.M. 328]	картину, которая ему не принадлежит, а другой пытается купить картину на <u>деньги, которые ему почти наверняка придется занять</u> . [ФМ, 279]
---	---

Герой, случайно подслушав разговор хозяина галереи, узнает о финансовых трудностях последнего и делает вывод, что деньги, скорее всего, будут взяты взаймы, в исходном тексте данная мысль передана имплицитно через отрицательную конструкцию. В данном примере модуляция и антонимический перевод нейтрализуют экспликативную валентность отрицания, а так же не позволяют передать параллелизм, наблюдаемый в структуре исходного высказывания.

Пример 32.

“Tell him to <u>Velcro his lip together</u> ,” Grandfather said. [F, 59]	“Скажи, чтобы он <u>заткнул свою пасть</u> ”. [Ф, 66]
--	---

В данном примере герой просит внука, заставить замолчать болтливого попутчика. В исходном тексте мы видим авторский окказионализм, образованный по модели фразового глагола «*shut up*». «Velcro» называется застежка-липучка. Понимание данного окказионализма предполагает наличие у читателя определенных экстралингвистических знаний, но образ, лежащий в его основе, довольно прозрачен и может быть легко интерпретирован. Однако при переводе в результате модуляции окказиональность теряется, а вместе с ней и потенциал на смысловое развитие.

Пример 33.

‘I just wanted to ask you to give him a message...’	— Я лишь хотел попросить, чтобы вы ему передали...
‘ <u>We</u> ’ll find something to write on,’ she says. She closes door behind me and leads the way into the kitchen.	— Сейчас, подождите, <u>я</u> найду, на чем записать, — говорит она, закрывает за мной дверь и проводит меня на кухню.
‘Just tell him I don’t think it would be a good idea...’	— Просто скажите ему, что, по-моему, этого делать не следует...

‘Sit down. I’ll make <u>us</u> some coffee.’ [FM, 199]	— Садитесь и <u>выпейте</u> кофе. [ФМ, 166]
---	--

В данном примере мы наблюдаем, как скрытый смысл реализуется в личном местоимении «*мы*». Герой пришел к соседям, при этом хозяина не оказалось дома, а хозяйка испытывает к герою явную симпатию и подозревает, что это взаимно. В исходном тексте ее отношение к герою можно проследить по местоимениям «*we*» и «*us*», тем самым она объединяет себя с героем, сближает себя с ним. В случае с предложением выпить кофе, местоимение «*us*» логически обоснованно, ведь хозяйка тоже может составить компанию гостю, и здесь подтекст менее очевиден, но предложение вместе поискать бумагу для записи в доме, где герой является посторонним, выступает на фоне высказывания и содержит намек на особое отношение и чувства хозяйки к герою. В переводе, однако, эта тонкое обыгрывание местоимений не передается, хозяйка дистанцируется от героя, обращаясь к нему на «*вы*». В связи этим изменением нейтрализуется потенциал на смысловое развертывание исходного текста.

Пример 34.

... you haven’t got some <u>smart little piece on the front desk</u> to buy lunch for. [FM, 105]	И <u>секретарши</u> у вас нет, которую приходилось бы кормить обедом. [ФМ, 88]
--	--

В данном примере сосед торгуется с героем, пытается снизить процент вознаграждения, причитающийся последнему, а в качестве аргумента приводит факт, что у героя нет подчиненных, а именно секретарши. Секретарша в определении соседа это – «*smart little piece on the front desk*», данное высказывание имеет сложную семантическую структуру и обладает высокой экспликативной валентностью. Во-первых, выражение имплицитно означает секретаря, во-вторых определение женщины как «*smart little piece*» имеет оценочные коннотации, это уничижительное разговорное выражение по отношению к женщине, в-третьих, данное высказывание, вложенное в уста соседа, дополняет его образ грубого, жесткого деревенщины, ни во что не ставящего женщин. В переводе передан только общий смысл, заложенный

в исходном выражении, но он не отражает всей его многогранности. Переводчик использовал более разговорный вариант «*секретарша*», а не «*секретарь*», но это, конечно не способно в полной мере передать английскую фразу.

Пример 35.

He was jumping out of the frying pan and into the fire – <u>only too literally</u> , in all probability. [FM, 223]	Он буквально прыгнул из огня да в полымя — <u>скорее всего, в буквальном смысле этого выражения, учитывая любовь инквизиции к кострам.</u> [ФМ, 189]
--	--

В данном примере речь идет о переезде Брейгеля из Антверпена, где становилось небезопасно, в Брюссель – «логово» инквизиции, это имплицитно передано при помощи идиомы «*to jump out of the frying pan and into the fire*», похожий образ есть и в русском языке, поэтому собственно передача не вызывает сложностей, однако в структуре данной фразы, есть еще одна импликация, это намек, на костры инквизиции. Образный намек обладает невероятно высокой экспликативной валентностью, которая нейтрализуется в переводе, так как в результате модуляции, намек получает эксплицитное выражение. Данная экспликация является факультативной, и даже излишней, ведь интерпретировать намек позволяет контекст, однако переводчик воспользовался экспликацией, тем самым устранив потенциал высказывания на смысловое развертывание и лишив читателя возможности взаимодействовать с текстом по замыслу автора.

Пример 36.

I put myself into the clogs of an ordinary Netherlander in 1568, gazing at The Parable of the Blind that Bruegel painted in this year. [FM, 302]	Я пытаюсь посмотреть глазами обычного нидерландца на «Притчу о слепых», написанную в 1568 году. [ФМ, 255]
--	---

В данном примере на основе существующей идиомы «*put oneself in someone's shoes*» образована речевая идиома, с заменой слова «*shoes*» на «*clogs*» (клоги, деревянные башмаки), что создает аллюзию на культуру Нидерландов и усложняет семантическую структуру данной идиомы. К

сожалению, в связи с несовпадением образа, на котором строится идиома, не представляется ее полная передача на русский язык. Переводчик прибегает к замене образа и добавлению, для достижения семантической эквивалентности, однако подобный перевод нейтрализует экспликативную валентность оригинального текста.

Пример 37.

Tilda's lying on the picnic rug in front of the cottage, waving her little <u>woolen arms and legs</u> about in the soft spring air. [FM, 254]	Тильда лежит перед нашим коттеджем на одеяле для пикников и в мягком весеннем воздухе размахивает своими крошечными <u>ножками и ручками в шерстяном комбинезончике</u> . [ФМ, 213]
--	---

В данном примере импликация заключена в образном описании дочки героя с использованием метонимического эпитета, который не передан в переводе, а значит, текст теряет образность и экспликативную валентность.

Пример 38.

'Tony's still on about that scramble track, by the way.'	— Тони, между прочим, так и не оставил своей затеи с мотодромом.
But it's not the scramble track that catches Kates Attention. [FM, 261]	Однако внимание Кейт мотодром не привлекает. [ФМ, 220]

В данном примере мы видим, как на экспликативную валентность может повлиять тема-рематическое членение предложения. В исходном предложении эмфатическая конструкция подчеркивает, что внимание жены героя привлекает вовсе не мотодром, что подразумевает нечто еще, завладевшее вниманием жены героя. В переводном предложении эта импликация отсутствует, а значит, отсутствует и потенциал на смысловое развертывание. В этом случае следовало поместить, мотодром в сильную позицию, в конец предложения следующим образом: «Однако внимание Кейт привлекает не мотодром», тогда импликация, образованная при помощи эмфатической конструкции в исходном тексте будет сохранена.

Пример 39.

I say, I recognize it. <u>I've never seen it before. I've never seen a description of it. No description of it, so far as I know, has ever been given. No one knows for sure who, if anyone – apart from the artist himself – has ever seen it.</u> [FM, 42]	Я сказал «узнаю», хотя <u>никогда раньше ее не видел. Даже не читал ее описаний. Насколько мне известно, таких описаний и не существует.</u> [ФМ, 39]
--	---

В данном примере герой говорит о сделанном им открытии, обнаружении ценной картины, еще никому неизвестной. Высокая концентрация неverified высказываний, а именно, отрицаний, обуславливает высокую экспликативную валентность исходного текста, однако при переводе некоторые фрагменты были опущены, что привело лишь к снижению экспликативной валентности, но не ее нейтрализации.

Пример 40.

Perhaps this is his approach to all the women Laura says he knocks off their feet. He's so awful he makes them laugh. The famous <u>aphrodisiac</u> . [FM, 210]	Мне сразу вспоминаются слова Лоры о том, с каким удовольствием Тони ухлестывает за женщинами. Он настолько ужасен, что беспрерывно их смешит. Неотразимый <u>Дон Жуан</u> . [ФМ, 178]
---	---

В данном примере герой рассуждает о соседе, ему неприятен этот человек и тот факт, что сосед общается с его женой. Описывая отношения соседа к женщинами то, как женщины на него реагируют, автор исходного текста создает речевую метафору, на смежности свойств соседа и афродизиака, но в переводе этот авторский прием заменен стертой языковой метонимией «Дон Жуан». Мы знаем, что метонимия обладает большей экспликативной валентностью, так как подключает к смысловой нагрузке тропа экстралингвистическую информацию, однако данная метонимия является стертой и, по сравнению с авторской метафорой, обладает меньшим потенциалом на смысловое развертывание.

Пример 41.

<p>And mixed in with the paraffin fumes, it occurs to me, is another familiar smell. I can't quite place it. It has agreeable associations, but in here, for some reason, it makes me <u>feel uneasy...</u></p> <p>And then, with a sudden sense of foreboding, of the ground disappearing under my feet, I realize what it is. <u>Linseed oil</u>. [FM, 196]</p>	<p>Тут я осознаю, что к запаху парафина примешивается еще один, очень знакомый запах. Несколько секунд я никак не могу назвать его. С запахом парафина он вполне сочетается, но почему-то вызывает у меня <u>дурное предчувствие...</u></p> <p>Вдруг я понимаю, что это за предчувствие, и земля уходит у меня из-под ног. Я узнаю запах: так пахнет <u>льняное масло, которое входит в состав олифы</u>. [ФМ, 163]</p>
---	---

Герой зашел к соседу в хозяйственное помещение, и почувствовал знакомый запах, вызывающий дурное предчувствие. Отрицательная оценка по отношению к объекту и невозможность верифицировать информацию обуславливают высокую экспликативную валентность дискурса. В последнем предложении, герой получает верифицированную информацию и экспликативность дискурса снижается, но только в том случае, если читатель знает, что льняное масло является растворителем для масляных красок, а значит, сосед мог повредить ценную картину в попытке ее почистить, именно это подразумевается в данном примере. Переводчик воспользовался добавлением, и уточнил, что льняное масло входит в состав олифы, наверное, потому что олифа может быть известна читателю, как лако-красочный материал. Направляя мысль читателя, переводчик, однако, не раскрывает полностью скрытый смысл, а значит, экспликативная валентность высказывания лишь незначительно снижается.

Пример 42.

Where is the country? [FM, 5]	Что мы называем загородом? [ФМ, 3]
-------------------------------	------------------------------------

Герои едут из города как можно дальше в деревню, и пытаются найти «настоящую» сельскую местность, этот их поиск «настоящей» деревни и объясняет данный пример. В переводе высказываний наблюдается структурная эквивалентность, высказывание осталось вопросительным,

однако изменяется его семантический охват, в связи с чем, и экспликативная валентность. Вопрос в исходном тексте гораздо шире по семантике, а в переводе вопрос сводится к мировоззрению героев и теряет ту глобальность, которая присуща вопросу в оригинальном тексте.

Пример 43.

The injustice is even more marked in my case, since I've returned from <u>my expedition</u> not with one <u>miserable, uneatable fox</u> , but with enough meat to keep us, all three of us, for the rest of our lives. Or the prospect of it. [FM, 120]	К тому же у меня оснований для обиды гораздо больше, чем у <u>охотников</u> , ведь из своих скитаний я вернулся не с какой-то там <u>несъедобной лисой</u> , а с горами мяса, которого нам троим хватит до конца жизни. Или по крайней мере с перспективой добыть это мясо. [ФМ, 101]
--	---

В данном примере герой обижен, что жена не одобряет его попытки заполучить очень ценную картину, что она не верит в достоверность его предположений. Данный фрагмент обладает очень сложной семантической структурой, ведь он представляет собой аллюзию-сравнение, отсылая нас к картине Брейгеля, «Охотники на снегу», и развернутую метафору на основе этого сравнения. Так как картина упоминалась и обсуждалась в произведении, для читателя не должно составить труда ее опознать. В перевод добавляется слово «охотники», эксплицируя часть названия картины и средство сравнения, что более эксплицитно отсылает нас к вышеупомянутой картине, но экспликативная валентность переводного текста, несмотря на это добавление, снизилась незначительно, благодаря сохранению метафоры и высокой концентрации скрытых смыслов, входящих в это высказывание.

Пример 44.

What he seems to fear is that he might be accused of something. The something's never identified. [FM, 217]	По-моему, он опасался, что его могут в чем-то обвинить. В чем именно, судить, конечно, сложно. [ФМ, 184]
---	--

В данном примере речь идет о Брейгеле, о его жизни практически ничего неизвестно. Высокая экспликативная валентность исходного текста обусловлена наличием отрицания, в переводе экспликативная валентность снижается в связи с заменой отрицания на утвердительное выражение, в котором содержится оценочный компонент, сохраняющий определенную долю экспликативной валентности.

Пример 45.

He's as rude as I am. <u>Would he be less cocky if he realized I'd overheard him?</u> [FM, 326]	Он, как и я, не помышляет о вежливости. Если бы он знал, что я подслушал его разговор по телефону, то <u>не решился бы на подобную дерзость</u> . [ФМ, 377]
---	---

В данном примере герой разговаривает с хозяином галереи, который очень резко себя ведет, однако герой знает, что это лишь маска, и на самом деле у хозяина галереи большие финансовые трудности. В оригинальном тексте герой в форме вопроса, а в переводном в форме отрицания выражает мысль о том, что хозяин галереи, вел бы себя иначе, если бы знал, что его телефонный разговор был подслушан, а его проблемы известны герою. Обе структуры выражают неverified информацию, однако вопрос обладает более высоким уровнем экспликативной валентности, а значит, при переводе ее уровень снижается.

Пример 46.

I could simply describe it, and in due course I shall, but it wouldn't mean very much if I tried to now, because it's <u>never been described before</u> , and <u>no one</u> has ever had the slightest idea of what it looked like. [FM, 2]	Я мог бы попробовать описать свою находку (что мне в конечном итоге все равно придется сделать), но начинать с описания бессмысленно, поскольку <u>научного описания ее никто не делал</u> — <u>искусствоведы просто не знают</u> о ее существовании. [ФМ, 2]
--	---

В данном примере герой сообщает о своем открытии, это никому не известная картина Брейгеля. Высокая экспликативная валентность исходного текста обусловлена наличием отрицательных структур, которые мы видим и

в переводном тексте, однако в переводе экспликативная валентность снижается в связи с изменением семантической структуры отрицания. В исходном тексте, никто не знает о картине, а в переводе по какой-то причине этот широкий круг лиц сужается до одних лишь ученых, что лишает картину глобальной загадочности и неизвестности.

Пример 47.

Or does he mean things more abstract still? Beliefs? Ideas? Strange ideas, perhaps, like religious tolerance and the moral dignity of the free man? Ideas which are unpaintable for more reasons than one? [FM, 158]	Или же речь идет о еще более абстрактных вещах? Об убеждениях, об идеях... О необычных идеях, таких, как религиозная терпимость и нравственное достоинство свободного человека. Об идеях, которые нельзя выразить на холсте по многим причинам... [ФМ, 134]
--	---

В данном примере герой пытается понять, что же такого невыразимого писал Брейгль. Все его предположения выражены в форме вопросов, а такая концентрация вопросительных структур особенно увеличивает экспликативную валентность речи, привлекает внимание читателя и провоцирует его на поиск ответа. В переводе некоторые части текста сохранили структурную эквивалентность, другие были переведены как незаконченные высказывания с использованием многоточия. Переводной текст сохраняет достаточно высокий уровень экспликативной валентности, но он не требует экспликации с той же настоятельностью, что и оригинальный из-за разнородной передачи вопросов.

Пример 48.

Mike skipped quickly to my side and picked up my books for me. I imaginade him with a wagging tail. [MS, 27]	Ко мне тут же подскочил Майк и стал собирать мои учебники. Да он сам как ретривер, виляющий хвостом! [МС, 23]
--	---

В данном примере героиня размышляет о чрезмерной услужливости одноклассника, с которым у них до этого был разговор о ретриверах, именно поэтому ей приходит на ум ассоциация с собачьими чертами. Способ выражения намека в переводе более развернут и эксплицитен, однако сам

намек на услужливость не выражен в словесной форме, а значит экспликативная валентность речи остается довольно высокой.

Пример 49.

As he was usually wearing the wrong shoes or the wrong trousers, and his haircut was wrong all the time, every day of the week, he didn't have to do very much to send them all demented. [HN, 13]	А так как он вечно носил то дурацкие кеды, то дурацкие штаны (ну а стрижка-то у него была дурацкой по жизни), то ему не приходилось прикладывать особых усилий, чтобы довести их до иступления. [ХН]
--	--

В данном примере речь идет о главном герое, мальчике, который отличается от других, что служит причиной насмешек, да к тому же и одежда у него «неправильная». Высокая экспликативная валентность исходного текста обусловлена повторяющимся, отрицательным оценочным предикатом «wrong», который нас отсылает к некой подразумеваемой норме одежды и прически. Словосочетания «*wrong shoes*», «*wrong trousers*» и «*wrong haircut*» являются речевыми и реализуют свои значения в контексте, а перевод «*дурацкие кеды*», «*дурацкие штаны*», «*дурацкая стрижка*» частично снижает экспликативную валентность речи, ведь данные фразы менее зависимы от контекста и могут быть понятны даже будучи изолированными. Стоит отметить, что каждый может понять их по-своему, ведь «*дурацкий*» так же является оценочным предикатом, но содержит некую дескриптивную составляющую смысла, а значит, обладает более низкой экспликативной валентностью.

Пример 50.

'I thought I'd never see him again,' she says in a different voice. 'I can't tell you what it's been like these last few weeks...' Now her courage has gone. [377]	Я надеялась, что больше его не увижу, — говорит она совсем другим тоном. — Ты даже не представляешь, каково мне с ним было эти последние несколько недель. Неужели и ее покинуло мужество? [321]
--	--

В данном примере героиня жалуется на ужасную жизнь со своим мужем. Отрицательное высказывание оканчивается в исходном тексте многоточием, что подразумевает потенциал на смысловое развитие, однако в переводе эта

недосказанность никак не передается и экспликативная валентность снижается. Что касается следующего фрагмента текста, то в переводе его экспликативная валентность увеличивается, ведь утвердительное по форме высказывание становится вопросом и выражает неуверенность героя.

Выводы по главе II

Непосредственный анализ примеров показал, что большая часть случаев изменения экспликативной валентности представлена снижением экспликативной валентности (74 %) и, соответственно, только одна четверть (26%) случаев изменения экспликативной валентности представлена ее увеличением. Среди случаев увеличения экспликативной валентности, было выделено три подгруппы:

- 1) усиление экспликативной валентности;
- 2) создание экспликативной валентности, путем импликации семантических составляющих речи;
- 3) ложная экспликативная валентность (наименее распространенная группа).

Более распространенными являются случаи усиления экспликативной валентности, то есть такие, где фрагменты речи, уже обладающие высоким потенциалом на смысловое развертывание получают еще больший валентностный потенциал при переводе, они так же могут оказывать влияние на окружающий контекст и в переводе могут спровоцировать увеличение экспликативной валентности окружающих компонентов. Увеличение экспликативной валентности происходит при использовании грамматических трансформаций, когда утвердительное высказывание в исходном тексте, становится вопросительным, антонимический перевод может также увеличить экспликативную валентность. Стоит отметить, что расположение компонентов речевого высказывания, и изменение их положения в высказывании, может повлиять на уровень экспликативной валентности. Уровень экспликативной валентности может повыситься из-за опущения или, наоборот, добавления, если добавлены фрагменты с высокой экспликативной валентностью.

Создание экспликативной валентности за счет импликации некой части семантической структуры высказывания, является на наш взгляд, интересным процессом, и требует от переводчика особых навыков, ведь в этом случае, переводчик, местами наравне с автором создает текст для

будущей интерпретации читателем. Среди способов создания экспликативной валентности, можно выделить «иронизацию», как своего рода образный антонимический перевод. Создавать экспликативную валентность также можно, используя опущение, грамматической трансформации повествовательного высказывания в вопросительное и антонимический перевод.

Были обнаружены случаи «ложной валентности», когда законченное, утвердительное высказывание, сообщаящее верифицированную информацию, при переводе оканчивалось многоточием. Мы считаем, что переводчик, таким образом пытается привлечь внимание читателя к важным, по мнению переводчика, фрагментам текста, задержать его внимание и спровоцировать мыслительные процессы.

Среди случаев снижения экспликативной валентности можно выделить две подгруппы:

- 1) снижение уровня экспликативной валентности
- 2) нейтрализация экспликативной валентности.

Нейтрализация экспликативной валентности наблюдается в 70% случаев. Самым распространенным переводческим приемом, который приводит к нейтрализации, является модуляция или смысловое развитие, что можно объяснить природой речевых фрагментов с высокой экспликативной валентностью, ведь они предполагают потенциал на смысловое развертывание, что и представляет из себя модуляция. Модуляция приводит к 80 % случаям нейтрализации экспликативной валентности речи. Однако, задумка автора, состоит в том, чтобы именно читатель активизировал свои когнитивные процессы и находил в тексте скрытые смыслы, но в процессе перевода значительную часть скрытых смыслов эксплицирует переводчик. Во многих случаях, когда перевод не связан с передачей образности, решение об экспликации принимается переводчиком на свое усмотрение. Зачастую модуляции или конкретизации подвергаются оценочные предикаты, что не позволяет передать все оценочные коннотации, подразумеваемые автором. В некоторых случаях к нейтрализации экспликативной валентности приводят

конкретизация, описательный перевод, добавления и антонимический перевод.

Снижение экспликативной валентности более редкий и сложный по своему исполнению прием, ведь легче полностью эксплицировать мысль автора, чем пытаться частично сохранить импликацию. Переводческие трансформации, применяемые для снижения экспликативной валентности, характеризуются разнообразием, но более часто для этой цели используется добавление, это можно объяснить тем, что переводчик может регулировать количество добавляемой информации и направить мысль читателя в нужное русло, не прибегая к нейтрализации экспликативной валентности.

Заключение

В настоящей работе были рассмотрены случаи выражения высокой экспликативной валентности, под которой мы понимаем неполноту дискурса, а так же способы перевода речевых фрагментов с высокой экспликативной валентностью с русского на английский язык. Было установлено, что высокой экспликативной валентностью обладают отрицательные и вопросительные структуры, незаконченные высказывания, высказывания выражающие эмоции и категоричность, общеоценочные предикаты, в особенности предикаты, выражающие общую отрицательную оценку, иносказание и неожиданные повороты сюжета. Любая импликация способна увеличить экспликативную валентность дискурса. К импликация мы относим различные изобразительно-выразительные средства языка, а также косвенные речевые акты, намеки. Фрагменты речи с высокой экспликативной валентностью участвуют в посторении дискурса, и выстраивают отношения между автором и читателем. В случае снижения, а особенно нейтрализации экспликативной валентности дискурс теряет силу.

При переводе в большинстве случаев не удастся сохранить уровень экспликативной валентности, как в исходном тексте. Это может быть связано как с несовпадением образных, ценностных или языковых картин мира исходного и переводящего языков, так и с собственно переводческим решением. Нередки случаи, когда переводчик неоправданно выбирает переводческую трансформацию, снижающую экспликативную валентность речи. Для перевода речевых фрагментов используются все виды переводческих трансформаций, но наиболее часто встречается модуляция, конкретизация и грамматическая трансформация, а так же комплексные трансформации. Были выявлены различные по характеру изменения на уровне экспликативной валентности. Увеличение экспликативной валентности может проявляться через создание экспликативной валентности, уже имеющийся потенциал на смысловое развитие может быть увеличен, а так же может появиться ложная валентность. Снижение экспликативной валентности может проявляться как снижение и нейтрализация. Любое изменение экспликативной валентности

затрагивает отношения между читателем, автором и текстом, поэтому переводчику следует уделять больше внимания данному явлению в процессе перевода.

Перспективным представляется исследование проблемы сохранения экспликативной валентности при переводе с русского на английский язык. Так как английская речь, по мнению многих исследователей, является более имплицитной, могут быть выявлены интересные тенденции.

Библиография

1. *Алексейцева Т.А.* Экспликация как вид прагматической адаптации текста в художественном переводе // Университетское переводоведение. Вып. 9. Материалы IX Международной научной конференции «Федоровские чтения» / СПбГУ. СПб, 2008. С. 28-35.
2. *Алешина Ю.В.* Аксиологический аспект передачи метафоры в политическом дискурсе // Университетское переводоведение. Вып. 12. Материалы XII Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» / СПбГУ. СПб, 2013. С. 20-28.
3. *Алимджанов А.А.* Вопросительное высказывание в переводоведческом аспекте (на материале произведений американских и британских авторов и их переводов на русский язык): дис ... магистр. филол.: 10.02.04. СПб; 2016. 112 с.
4. *Антонова Н.В.* Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131–143.
5. *Арнольд И.В.* Основы научных исследований в лингвистике. М., 1991.
6. *Арнольд И.В.* Стилистика Современный английский язык М., 2002.
7. *Арутюнова Н.Д.* Аксиология в механизмах жизни и языка// Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1982. С. 5–23.
8. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт М., 1988.
9. *Асамбаева А.Т.* Способы выражения прогнозируемого в английском языке // 20 открытая конференция студентов филологов: программа конференции / СПбГУ СПб, 2017. С 75.
10. *Асамбаева А.Т.* Проблема сохранения экспликативной валентности при переводе // 21 открытая конференция студентов филологов: программа конференции / СПбГУ СПб, 2018. С 103.
11. *Банару В.И.* Оценка, модальность, прагматика // Языковое общение: единицы и регулятивы: межвузовский сб. науч. тр. / Калининский гос. ун-т. Калинин, 1987. С. 14-18.

12. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., 1975.
13. *Бондарко А.В.* Функционально-грамматическое описание полей аспектуальности и таксиса в русском языке (принципы анализа) // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания. Л., 1985.
14. *Бондарко А.В.* Теоретические проблемы русской грамматики. СПб., 2004.
15. *Братина А. А.* Синонимические отношения в лексике // Современная русская лексикография. 1980. Л., 1981, с. 54-61.
16. *Валиахметова Э.К., Фаткуллина Ф.Г., Казанцева Е.А.* Функционально-когнитивный потенциал абстрактных существительных жизнь / life: оценочный аспект // Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 1. С. 70-73.
17. *Водяницкая А.А.* Адекватность передачи положительных оценочных значений как критерий оценки перевода // Университетское переводоведение. Вып. 12. Материалы XII Международной научной конференции «Федоровские чтения» / СПбГУ. СПб, 2013. С. 69-78
18. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.
19. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования М., 2006.
20. *Ганеев Б.Т.* Противоречия в языке и речи: Автореф: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. Уфа, 2004. 39 с
21. *Долинин К.А.* Импликативное содержание высказывания // Вопр. языкознания. 1983. № 6 С 37-48.
22. *Долинин К.А.* Интерпретация текста М., 2010. *Гончарова А.Е.* Способы выражения прямой и косвенной оценки невербального коммуникативного поведения адресата говорящим в английском диалоге: дис. ... магистр: 10.02.04. СПб., 2016.
23. *Емельянова Н.А.* Роль идиоматических выражений в интерпретации интенциональных эксплицируемых и тавтологических скрытых смыслов Известия РГПУ им Герцена, № 130. - СПб, - 2011. - С. 169-175.
24. *Емельянова Н.А.* Трансформации идиом как механизм создания скрытых смыслов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 2012. 25 с.
25. *Ивин А.А.* Основания логики оценок. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1970.

26. *Игнатьева И.Г.* Проблема декомпрессии знаний при переводе авторских новообразований // Университетское переводоведение. Вып. 12. Материалы XII Международной научной конференции «Федоровские чтения» / СПбГУ. СПб, 2013. С. 128-133.
27. *Ильина Н.В.* Структура и функционирование оценочных конструкций в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук :10.02.04. – М., 1984 – 16 с.
28. *Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Савова М.Р.* Русский язык и культура речи в вопросах и ответах. Учебное пособие. – М.: Проспект 2015
29. *Казакова Т.А.* Стратегии решения задач в художественном переводе // Перевод и интерпретация текста: сб. науч. тр. М., 1988. С. 56-65.
30. *Казакова Т.А.* Практические основы перевода. СПб., 2001.
31. *Казакова Т.А.* Художественный перевод. Теория и практика: учебное пособие. СПб., 2006.
32. *Касевич В.Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
33. *Кацнельсон С.Д.* О грамматической категории // Вестник ЛГУ. 1948. № 2.
34. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
35. *Кацнельсон С.Д.* К понятию типов валентности // Вопр. языкознания. 1987. № 3 С 20-33.
36. *Клименко К.В.* Оценочность как особый прием субъективации и как способ передачи авторской позиции (на материале автобиографических текстов Ю. М. Нагибина) // Сибирский филологический журнал. 2015. №3 С. 215-222.
37. *Колишанский Г.В.* Контекстная семантика. М., 1980.
38. *Колишанский Г.В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 2005. 232 с. (Сер. «Лингвистическое наследие XX века»).
39. *Комиссаров В.Н.* Лингвистика перевода. М., 1980.
40. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение: учебное пособие. М., 2002.
41. *Комиссаров В.Н., Коралова А.Л.* Практикум по переводу с английского языка на русский. М.: Высш. шк., 1990. 127 с
42. *Кубашичева С.К.* К вопросу о специфике и практике перевода идиоматических выражений английского языка // Вестник Адыгейского

- государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. - 2013. - Вып. 4. - С. 37-40.
43. *Кубрякова Е.С.* О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Доклады VIII Международной конференции МГОПУ им. Шолохова. М., 2001. С 72-87.
44. *Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Актуальные проблемы современной лингвистики: уч. пособ. / сост. Л.Н. Чурилина. 4-е изд. М., 2009.
45. *Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
46. *Масленникова А.А.* Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов СПб., 1999.
47. *Масленникова А.А.* Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация Автореф: дис... д. филол. наук: 10.02.19, 10.02.04. СПб, 1999. 35 с.
48. *Минемуллина А.Р.* Ирония как средство имплицитного выражения оценки в языке средств массовой информации // Вестник ВятГУ. 2013. № 2 С. 17-21.
49. *Осташова О.И.* Способы экспликации оценочного предиката в англоязычном художественном дискурсе XIX-XX веков // Научные труды КубГТУ, №4, 2016
- Маслов Ю.С. Введение в языкознание М., 1987.
50. *Петрова Е.С., Пилатова В.Н.* Экспликативная валентность дискурса в контексте переводоведения // Университетское переводоведение: Материалы V Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» / СПбГУ. СПб, 2004. С. 251-261.
51. *Пилатова В.Н.* Экспрессивное отрицание в современном английском языке: Автореф: дис... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб; 2002. 22с.
52. *Пилатова В.Н.* Валентность как понятие когнитивной лингвистики // Материалы XXXV международной филологической конференции / СПбГУ. СПб, 2006. С. 219-222.
53. *Плоткин В.Я.* Строй английского языка. М.: Высшая школа, 1989.
54. *Полякова Е.В.* Отрицательная оценка в русских письмах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Саратов; 2001. 201 с.

55. *Поспелова А.Г.* Косвенные высказывания // Спорные вопросы английской грамматики. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1988. – Гл.2. – С.141-152.
56. *Семашко Т.Ф.* Методы экспликации концептуального значения культурных стереотипов в литературном тексте // Eastern European Scientific Journal 2014. С. 268-273
57. *Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. № 17 С. 195-223.
58. *Соколовский Я.В.* Соотношение оригинала и перевода художественного текста: к вопросу об онтологии проблемы // Университетское переводоведение. Вып. 12. Материалы XII Международной научной конференции «Федоровские чтения» / СПбГУ. СПб, 2013. С. 403-409.
59. *Стернин И.А.* Анализ скрытых смыслов в тексте Воронеж, 2011.
60. *Телия В.Н.* Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция. Метафора в языке и тексте. Москва, «Наука», 1988.
61. *Теремкова О.А.* Переводческие стратегии как инструмент транслятологического анализа // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2 С. 177-179.
62. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина. [Электронный ресурс] URL <http://www.ilibrary.ru/text/1099/p.1/index.html> (дата обращения 17.05.18)
63. *Туйкова В.С.* Перевод английских эвфемизмов и эвфемистических выражений // Вестник МГОУ. 2011. №1 С. 26-30.
64. *Цвиллинг М.Я.* О переводе и переводчиках. М., 2009.
65. *Шабает В.Г.* Лексические и грамматические проблемы широкозначности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (34) часть 3. С. 192-201.
66. *Шадрин В.И.* Университетское переводоведение. СПб., 2017.
67. *Швейцер А.Д.* Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). М., 1988.
68. *Шустова С.В.* К вопросу о функциональном потенциале языковой единицы (на примере семантической и синтаксической валентности). Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 3 С. 161-164.

69. *Agarwal, B., & Mittal, N.* Semantic Orientation-Based Approach for Sentiment Analysis. Springer International Publishing, 2016. C. 77-88
70. *Geech P.T.* Good and evil. 1956.
71. *Grabowski Łukasz* Crossing the Frontiers of Linguistic Typology: Lexical Differences and Translation Patterns in English and Russian Lolita by Vladimir Nabokov // New Perspectives in Language, Discourse and Translation Studies. 2011. NY Springer. C. 227-240.
72. *Hunston S.* Corpus Approaches to Evaluation: Phraseology and Evaluative Language 2011 Routledge
73. *Kinga K.* Linguistic and Cultural Asymmetry in Translation from and into Minor Languages // Domestication and Foreignisation in Translation Studies. Berlin, 2012. C. 33-49
74. *Körtvélyessy L.* (2015). Evaluative Morphology from a Cross-Linguistic Perspective. Cambridge Scholars Publishing
75. *Kosonen R.* Evaluation in preliminary examiners' statements 2014
76. *McEwan I.* Atonement. London, 2007.
77. *Nowell-Smith P.H.* Ethics. West Drayton: Penguin Books, 1954.
78. *Perry D. L.* What things can be evaluated J. Philos., 1964.
79. *Searle J.R.* Speech acts: An essay in the philosophy of language. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
80. *Teun A. van Dijk* Prejudice in Discourse Analysis of Ethnic Prejudice in Cognition and Conversation. Amsterdam, 1984.

Список словарей

81. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
82. *Мокиенко В.М.* Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2007 (электронный ресурс) [дата обращения 12.05.18]
<https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/34258/%D0%97%D0%B0%D0%B9%D1%82%D0%B8> [дата обращения 19.05.18]
83. *Розенталь Д.Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985.
URL http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/r.php [дата обращения: 09.05.18]

Список сокращений

- 1) МС - Майер С. Сумерки [пер. с англ. Ахмерова А.](электронный ресурс)
<http://knizhnik.org/stefani-majer/sumerki/1>
- 2) МИ – Макьюэн И. Искупление. 2009. [пер. с англ. Доронина И.]
- 3) Ф - Фоер, Дж. С. Полная иллюминация. [пер. с англ. В.А. Арканов].
- 4) ФМ - Фрейн М. Одержимый [пер. с англ. Корсаков К.] (электронный ресурс) <https://www.e-reading.club/book.php?book=1003292> (дата обращения 19.05.18)
- 5) ХН -Хорнби Н. Мой мальчик. [пер. с англ. Чумакова К.] (электронный ресурс) <https://www.e-reading.club/book.php?book=91914> (дата обращения 19.05.18)
- 6) FM - Frayn M. Headlong. London, 1999.
- 7) MI - McEwan I. Atonement. London, 2007.
- 8) HN - Hornby N. About a boy. London, 1998.
- 9) MS - Meyer S. Twilight [электронный ресурс]
<https://archive.org/stream/TheTwilightSaga-Twilight/TheTwilightSaga-Book1-Twilight-StephanieMeyer#page/n81/mode/1up> (дата обращения 18.05.18).
- 10) F - Foer, J.S. Everything Is Illuminated. New York: Houghton Mifflin Company. 2002. p.276.